

АЛЕКСАНДРА КАТИБА

# ЗА ГРАНИЦЫ СЕБЯ

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

РОМАН

18+

# Александра Катиба

## За границы себя

<https://litres.ru/74668557>

SelfPub; 2026

### Аннотация

«Если бы я хотел сделать тебе больно, ты бы так спокойно не стояла. А теперь расчешись и пошли в ресторан».

Год в браке научил Веру одной простой истине: чтобы тебя считали идеальной женой, нужно стать невидимкой. Угадывать его настроение, терпеть брезгливые взгляды и искренне верить, что ты ни на что не способна.

Но у любого терпения есть точка невозврата. В тот день она просто вышагнула за порог — без вещей, денег и понятного плана.

Теперь у неё есть только чужая квартира, спортивные штаны подруги и стойкое желание впервые в жизни поступить по-своему. И пусть бывший муж уверен, что она поиграет в независимость и приползёт обратно, Вера же смотрит совсем в другую сторону — туда, где палящее солнце, чужая страна и шанс начать всё с чистого листа.

История о том, как потерять всё, чтобы наконец найти себя.

# Содержание

|                                   |     |
|-----------------------------------|-----|
| Глава 1                           | 4   |
| Глава 2                           | 10  |
| Глава 3                           | 17  |
| Глава 4                           | 25  |
| Глава 5                           | 32  |
| Глава 6                           | 38  |
| Глава 7                           | 43  |
| Глава 8                           | 52  |
| Глава 9                           | 61  |
| Глава 10                          | 70  |
| Глава 11                          | 76  |
| Глава 12                          | 82  |
| Глава 13                          | 91  |
| Глава 14                          | 98  |
| Глава 15                          | 104 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 110 |

# Александра Катиба

## За границы себя

### Глава 1

— Я от тебя уйду, — удивительно, как всего четыре слова способны в одну секунду сорвать тысячи тяжелых цепей. Я снова могу дышать, я, оказывается, живая.

Он медленно повернулся ко мне, посмотрел сверху вниз и снисходительно улыбнулся. Так смотрят на пятилетнего ребёнка, который в слезах грозит убежать из дома, потому что ему не купили игрушку.

— Далеко? Надолго? — спокойно спросил он, даже не меняя интонацию.

Смешно, но именно сейчас, глядя на его самоуверенную ухмылку, я почему-то вспомнила его возраст, и в голове отчетливо прозвучал мамин голос: «Взрослых надо уважать». Ему было тридцать два года — на двенадцать лет старше меня.

Его спокойствие задело меня сильнее, чем если бы он начал орать или устраивать сцену. Для моего эго было бы приятнее, если бы он стал меня уговаривать, нет, умолять остаться. Но ему не было дела до моего эго, да и мне тоже уже не было ни до чего дела, я просто хотела уйти. Кеша вооб-

ще не воспринял мои слова всерьёз. Фу, как я вообще могла выйти замуж за мужика по имени Кеша. Для него мой уход выглядел как глупая девчачья выходка, очередная капризная фаза, которая пройдет сама собой.

— У тебя что, ПМС?

Ожидаемая, старая и мерзкая шутка, которую я проигнорировала.

Для меня всё уже было решено. Молча повернувшись к шкафу, я продолжила кидать вещи в открытый чемодан.

— Кстати, чемодан, в который ты сейчас так гордо складываешь вещи, независимая ты моя, вообще-то купил тебе я, — ухмыльнулся он. — И сами вещи, между прочим, тоже куплены на мои деньги. Так что напоминаю: пока ты моя жена, ты будешь делать то, что я говорю. А я говорю тебе прямо сейчас: успокойся, сядь и подумай над своим поведением.

Удивительно, но в этот момент я испытала к нему самое искреннее чувство благодарности. Спасибо тебе, дорогой, что ты лишний раз напоминаешь, кто ты такой на самом деле. Это еще раз доказывает, что я всё делаю правильно. Конечно, я этого не сказала. Мне вообще не хотелось с ним разговаривать.

Я спокойно выпрямилась.

В глубине шкафа висел один наряд — обтягивающая кофточка и короткая юбка, которые подруги подарили мне шутки ради. Эдакий провокационный, почти вульгарный комплект. Я быстро переоделась в этот костюм, как у шлюшки.

Хотя почему, «как»? Я теперь женщина свободная.

— Вот это ты мне не покупал, — чеканно произнесла я, глядя ему прямо в глаза. — И меня в этом ты видишь последний раз.

Я не стала застёгивать чемодан. Просто оставила всё, взяла с тумбочки сумочку с документами и пошла к двери.

Он так и остался стоять посреди комнаты с открытым ртом. Такого поворота он от меня явно не ожидал.

На лестничной площадке я столкнулась с Наденькой — той самой соседкой и по совместительству второй вершиной нашего семейного треугольника.

Увидев меня, она скромно опустила глаза и едва слышно поздоровалась, попытавшись проскользнуть мимо и даже никак не прокомментировав мой вызывающий вид.

Мы уже разошлись, но я резко остановилась:

— Надь, подожди. Ты ничего не скажешь? Тебе как вообще мой наряд, нравится?

Я эффектно покрутилась перед ней. Адреналин в этот момент просто зашкаливал, а внутри бушевал дикий азарт. Казалось, это говорила и делала вовсе не я, а какая-то совершенно новая, дерзкая и невероятно смелая версия меня.

Надя лишь смущенно пробурчала что-то невнятное под нос и попыталась шагнуть к двери. Но я сделала шаг в сторону, преграждая ей путь:

— Надь, ну что ты стесняешься, как чужая? Всё, Иннокентий свободен, забирай. Я от него ухожу.

— Я... я не понимаю, о чём ты говоришь, — забормотала она, заливаясь краской.

— Надь, да всё я видела. Я тебя не виню, у меня к тебе вообще никаких претензий. Правда, не переживай. Просто говорю как есть: он мне больше не нужен, он для меня никто.

На миг у неё в глазах вспыхнула настоящая радость — искренняя, неудержимая. Но Надя тут же вспомнила, перед кем стоит, виновато сжалась, выдохнула быстрое «Извини» и практически убежала по лестнице.

Выйдя из подъезда, я побежала к дороге. Всё-таки Кеша был прав: планировать я совершенно не умею. Можно же было заранее позвонить подруге, попросить её заехать за мной.

— Девушка, вас подвезти?

Рядом со мной притормозил новенький «Нисан Кашкай». Окно опустилось, и водитель — довольно симпатичный парень — улыбнулся. Видимо, он поймал мой оценивающий, жадный взгляд свободной женщины и тут же добавил:

— Да нет, серьёзно, садитесь, подвезу!

Я села на переднее сиденье, и машина плавно тронулась.

— Вообще я так обычно не делаю, извините, — заговорил он, мельком глянув на меня. — Просто увидел вас и подумал... на самом деле подумал, что вам нужна помощь.

Я не отрывала от него взгляда.

— Неужели я выгляжу настолько жалкой?

— Да нет... Я бы сказал, слишком эффектной, — улыбнулся он.

— Впрочем, я тоже обычно так не наряжаюсь, — усмехнулась я.

— Так куда мы едем?

Я замерла, на секунду потеряв нить происходящего. Мозгу потребовалось физическое усилие, чтобы переключиться и вспомнить банальные вещи — хотя Танин адрес я знала наизусть и могла назвать даже среди ночи. Назвав улицу и дом, я заметила, как парень удивлённо вскинул брови.

— Почему вы так удивились? — тут же спросила я. — Думали, я отвечу: «Едем к тебе»?

— Я бы, конечно, хотел услышать такой ответ, — признался он и выразительно кинул взгляд на мою правую руку. — Но я же вижу кольцо. И всё понимаю.

«Ах да, точно. Кольцо!»

Я сняла его, открыла окно и, не задумываясь, швырнула этот символ любви и верности с бриллиантом прямо в темноту.

«А могла бы продать!» — тут же прозвучал в голове язвительный голос моей расчётливой и всегда практичной подруги.

Ну да, могла бы. Но сегодня день быстрых и безумных решений, так что пусть это останется просто ярким воспоминанием.

Когда машина заехала во двор подруги и остановилась у нужного подъезда, я достала из сумочки кошелек:

— Сколько я вам должна за проезд?

— Да вы что, нисколько, — отмахнулся он. — Я за это денег не беру.

— Нет, правда, я не хочу быть никому обязанной. Спасибо, что довезли.

Он мягко улыбнулся, заглушил двигатель и повернулся ко мне:

— Да вы мне ничего и не должны. Я сам живу в этом доме.

## Глава 2

Не прошло и пары секунд после звонка, как дверь распахнулась. Видимо, подруга только и делала, что дежурила в коридоре в ожидании моего прихода.

— Неожиданный выбор наряда для развода! — Окинув мой внешний вид быстрым взглядом, она скрестила руки на груди и широчайше улыбнулась. — Ну заходи. Не думала, что ты решишь порадовать меня прямо с порога.

Подруга сразу же провела меня на кухню, где на столе уже красовался огромный сет суши.

— Давай уже быстрее расправимся с этим сетом, а то у меня слюнки текут, — кивнула она на роллы. — Сначала восстановим силы, а обо всём остальном успеем переговорить.

В этот момент мне безумно захотелось её обнять. Никаких лишних вопросов, никаких осуждающих взглядов — только абсолютная, чистая поддержка.

Едва мы сели за стол, она посмотрела на меня с искренним вниманием:

— Скажи мне сразу, чего ты сейчас хочешь? Понять? Поболтать? Перемыть ему кости? Или сделать вид, что ничего не было? А может, вообще плюнем на всё и поедем в клуб? Называй любые пожелания. Сегодня я твой джин из волшебной лампы, исполняющий желания.

Я вздохнула, глядя на неё, и качнула головой:

— Вот я смотрю на тебя и думаю: как при такой осознанной, умной и классной подруге я вообще умудрилась вляпаться в этот неудачный брак?

— Значит, для чего-то тебе нужно было пройти этот жизненный урок, — мягко ответила подруга. — Я уверена, со временем ты поймёшь, чему именно тебя должна была научить эта ситуация, и ещё окажешься благодарна такому опыту.

— О-о, слышу, слышу речь профессиональной йогини! — усмехнулась я, отправляя в рот ролл. — Мудрость, философия... Всему есть причина, и всё для чего-то нужно.

— И да, между прочим, как профессиональная йогиня, я тебе в сотый раз предлагаю: поехали с нами в Египет! В наш йога-тур. Будем жить на яхте, плавать в море, заниматься йогой, медитировать, восстанавливать силы... И, вполне возможно, там тебе и придут ответы на все вопросы. Поедешь?

— Честно говоря, мне сейчас вообще не до поездок. Хочется сначала собраться с мыслями, плюс учёба, да и работу теперь надо искать. По финансовым соображениям я это точно не потяну, мне нужно очень быстро решить, где и на что я буду жить.

— Ой, да брось, — подруга мгновенно смягчилась, отложила палочки и тепло посмотрела на меня. — Я совсем не хочу на тебя давить. Понимаю: тебе сейчас нужно прийти в себя, разобраться с учёбой и работой. Принимай любое решение, я поддержу.

Она сделала паузу, ободряюще улыбнулась и добавила:

— Но учти: мы уезжаем только через две недели, так что время подумать есть. Если надумаешь, моё предложение в силе до последнего дня. И главное — даже не думай ни о чём беспокоиться. Можешь жить здесь столько, сколько нужно, вообще без проблем.

Конечно, я совершенно не хотела злоупотреблять гостеприимством подруги, но точно знала: она говорит абсолютно искренне, а не просто из вежливости. И от этой поддержки на душе и пружина внутри меня впервые за весь этот сумасшедший день слегка ослабла.

Подруга вдруг засмеялась и взяла в руки телефон:

— Слушай, представляешь, у нас тут в подъездном чате какой-то чудак ищет девушку!

Не отрывая взгляда от экрана, Таня принялась читать сообщение:

— Пишет: «Дорогие соседи, понимаю, что просьба прозвучит странно. Сегодня я подвёз девушку и, кажется, встретил любовь всей своей жизни. Она вышла у нашего подъезда. Очень стыдно писать такое в общий чат, но я просто не могу иначе. Если к кому-то из вас сегодня приехала подруга...»

Подруга продолжала читать вслух его сбивчивое, но ужасно искреннее сообщение с описанием моих примет, а у меня внутри всё похолодело.

«Вот же сумасшедший!» — пронеслось в голове.

Хорошо, что подруга в этот момент смотрела исключи-

тельно в экран телефона. Иначе она бы точно заметила, как я мгновенно побелела. Только этого сюрра мне сейчас и не хватало!

— Таня, кажется, это он про меня пишет, — выдавила я, изображая наигранную улыбку и широко выпучив глаза.

Таня хмыкнула, с интересом глядя на экран:

— Ну, он настоящий джентльмен! С его стороны было крайне осторожно и вежливо не написать, в каком именно костюме ты приехала, иначе я бы сразу всё поняла.

Она подмигнула и тут же уточнила: — Стоп, а с чего ты вообще взяла, что это про тебя? — «Симпатичная блондинка с красивыми голубыми, но очень печальными глазами...» — процитировала она его сообщение и тут же перевела на меня пытливый взгляд. — Ну рассказывай, что у вас там было! Не просто же так ты уверена, что он спрашивает именно про тебя?

Я тут же пришла в себя и совершенно искренне ответила:

— Да, может, ты и права. Наверное, не про меня речь, я просто что-то себе надумала. Ладно, давай дальше есть суши!

Таня быстро мельком взглянула на экран и посмотрела на меня с явной хитринкой:

— Слушай, а у него, кстати, фото в профиле стоит. Хочешь посмотреть?

— Ой, да зачем мне это нужно? Не хочу, — отмахнулась я. Хотя всем своим видом и буквально на лоб вылезшими

глазами я вопила совершенно обратное: «Конечно хочу, ты ещё спрашиваешь?!»

И, совершенно не обращая внимания на мои отговорки, Таня тут же развернула экран телефона ко мне.

Это был он.

Мне хватило доли секунды, чтобы узнать его, и Таня моментально считала эту реакцию по моим округлившимся глазам.

— Его, кстати, Рома зовут, — с триумфом выдала она.

Я тяжело, с шумным выдохом опустила плечи. В этом выдохе было всё: и накопившаяся за день дикая усталость, и боль от предательства Кеши, и тотальное нежелание прямо сейчас ввязываться в какие-либо любовные авантюры. Мне сейчас было искренне, категорически не до мужчин.

Таня тут же всё поняла. Её хитрый взгляд моментально сменился сочувствием и теплотой.

— Всё-всё, молчу! — Она понимающе улыбнулась и отложила телефон экраном вниз. — Я всё поняла. Сегодня нам точно не до мужчин. А этот Рома... да и пусть помучается! Мы что, жалеть его, что ли, будем?

Уже лёжа в кровати, я всё никак не могла заснуть. Меня не отпускала глупая мысль: а вдруг он действительно переживает?

— Тань... Тань, ты спишь? — шепнула я в темноту.

Из соседней кровати донёсся сонный, но полный иронии голос:

— М-м... Если ты хочешь поболтать, то уже не сплю.

— Слушай... А может, всё-таки стоит написать этому Роме? — неуверенно протянула я, комкая в руках край одеяла.

— Вдруг он правда мучается? Как-то неудобно получается...

Повисла короткая пауза, после которой Таня хмыкнула в темноту:

— Скажи честно: ты хочешь ему написать, потому что он мучается, или потому что тебе хочется ему написать?

— Потому что он мучается, — как мне тогда казалось, абсолютно искренне ответила я.

Таня тихо вздохнула в темноте и мягко спросила:

— Вер, а ты правда хочешь начинать что-то новое из чувства долга и жалости? Или, может, для разнообразия попробуешь спросить себя: «А чего хочу я?» Без оглядки на спасение чужих чувств.

— Хм, да, спасибо тебе, — пробормотала я, — спокойной ночи!

— Спокойной ночи, — засыпая, ответила Таня.

Я долго ещё не могла уснуть, продолжая ворочаться и честно копаться в собственных мыслях: действительно ли мной двигало лишь сочувствие, или мне просто хотелось написать этому Роме?

А в какой-то момент я вдруг резко поймала себя на куда более отрезвляющей мысли.

Прошло всего-навсего несколько часов с того момента, как моя жизнь рухнула — сегодня утром я узнала об изме-

не Кеши, а сейчас, посреди ночи, я лежу в чужой кровати и думаю вовсе не о муже, разрушившем наш брак. Я думаю о незнакомце из подъездного чата.

Этот Рома смог выбить всю эту боль из моей головы всего за один вечер. И от этой осознанности стало невероятно легко. И с этим новоприобретённым чувством девичьего трепета и свободы я быстро заснула.

## Глава 3

На следующий день я проснулась ещё до будильника.

Открыла глаза — и мозг не сразу может сообразить, где я вообще нахожусь. Я у Тани? А почему я у Тани?

И тут в памяти один за другим начинают всплывать самые ужасные моменты вчерашнего дня. Значит, всё это было не сном и не игрой большого воображения. Мои самые потаённые страхи — всё оказалось реальностью.

Конечно, мне и до этого говорили, а сердобольные девушки писали в соцсетях: мол, видели вашего мужа в кафе с другой. Были даже те, кто нагло спрашивал: «А он точно женат? А то мне он говорит, что свободен». Вина ли я тех девушек, что пытались открыть мне глаза? Да, в моменты слабости — вина. Считаю ли я их виноватыми сейчас? Скорее нет, чем да.

Да я и сама замечала сердечки, всплывающие на экране его телефона, и то, как он быстро убирал его и оправдывался каким-то новым цифровым этикетом. Мол, все эти смайлики — просто вежливая реакция на сторис, обычный лайк без какого-либо романтического подтекста.

А я... я всегда его оправдывала. И не знаю, были ли до этого измены на самом деле. Может быть, просто не хотела замечать очевидных вещей. Но вчера я увидела всё сама.

И я до сих пор не могу понять — возможно, когда-нибудь

в будущем я буду за это благодарна, но не сейчас — должна ли я была узнать правду таким способом? Или мне было бы лучше и дальше жить в неведении, обманывая саму себя? Называть «доброжелательницами» тех, кто пытался со мной связаться — то ли из жалости, то ли желая уколоть, — и с опаской ждала бы новых «откровений» в дальнейшем.

Вчера я проснулась в шесть утра — за три часа до пар, чтобы успеть снять влог о своей «идеальной утренней рутине». О том, как я собираюсь на учёбу... На факультет туризма. Да, у меня ведь есть блог о продуктивности, на который почему-то почти никто не подписывается.

Честно говоря, я даже толком не понимала, кем буду работать после выпуска. Сидеть в душном турагентстве никогда не было мечтой моей жизни. Я-то хотела путешествовать! А по факту настоящие поездки мне давала вовсе не учёба и не подработки, а деньги моего... скорей бы уже бывшего мужа.

Ещё я ходила на йогу. Наверное, из всех моих увлечений это — единственное, за что я правда благодарна, ведь именно там мы познакомились с Таней.

В общем, классическая картинка «успешного успеха»: занимаюсь учёбой, веду блог, хожу на йогу, а главное — я самая любимая жена самого лучшего мужа... Говнокеши. Да, теперь я имею полное право называть его именно так, а не «мой Иннокентий» или «мой котик».

Окна нашей спальни выходили на восточную сторону, так что по утрам в комнату лился идеальный естественный свет.

Я установила камеру так, чтобы солнце красиво подсвечивало меня, а на фоне оставалась наша идеальная кровать с розовыми подушками и покрывалом. Господи, как же я любила эту кровать! И как эстетично она смотрелась в кадре...

Она и правда смотрелась идеально. Это я поняла уже потом, когда пересматривала запись после учёбы.

Когда я вернулась с учёбы, то сначала не заподозрила ничего необычного — разве что подушки лежали как-то немного не так. Но кто мог зайти в спальню? Кеша ведь должен был вернуться из своей «деловой поездки» только к вечеру.

Потом я обратила внимание, что камера полностью разряжена. Нахмурившись, я поспешила проверить флешку, чтобы понять, что случилось, — и только тогда до меня дошло. Я забыла её выключить. Все эти часы шла запись.

Если бы не эти подушки и не моя мнительность, я бы даже проверять ничего не стала. Просто выделила бы утренний влог, а всё остальное удалила не глядя.

Но эти подушки... Они заставили меня запустить запись и прокрутить её в ускоренном режиме. Впрочем, долго мотать не пришлось.

Не прошло и получаса после того, как я ушла на учёбу, как в спальню зашли Говнокеша и Наденька. Ввалились, буквально не отрываясь друг от друга в поцелуе.

Каждая секунда этого видео была словно удар ржавым ножом прямо в сердце — снова и снова. Но я не могла выключить.

чить. Внутренний голос чеканил: «Смотри. Смотри и запоминай, как тебе больно. Если ты его не бросишь, тебе будет так больно всегда. Терпи. Запомни эту боль и наконец-то прими правильное решение — уйти».

В какой-то момент мне стало невыносимо стыдно.

И нет, не потому, что я досматривала это дешёвое порно с бездарными актёрами. Стыдно за то, что я теперь скажу родителям. У меня ведь была «идеальная» семья, мой прекрасный, успешный Кеша... Что я скажу друзьям? Что напишу подписчикам? Что вообще со мной будет дальше?

И главное — как же мне стыдно за то, что я была такой слепой. За то, что до последнего не верила, не замечала и в упор не хотела видеть все эти знаки.

Я дрожащими пальцами напечатала Тане: «Кеша мне изменил. Я видела всё своими глазами. Мне очень плохо».

Она перезвонила минут через пятнадцать — кажется, у неё как раз шла йога. Сразу затараторила, едва я взяла трубку:

— Милая, прости, только увидела сообщение, у меня была группа! Как ты? Скажи, чем я могу помочь? Не стесняйся, ты же знаешь, я полностью в твоём распоряжении. Хочешь, я приеду за тобой прямо сейчас? Двери моего дома для тебя открыты всегда и в любое время. Просто скажи, что сделать.

Я выдохнула. Наступило что-то вроде облегчения — если слово «облегчение» вообще можно было использовать в той ситуации. Мне хотя бы не нужно было ломать голову над тем,

где ночевать. Возвращаться в одну квартиру с этим чужим, мерзким человеком после увиденного я не могла физически.

— Приезжай, — только и смогла выдавить я. — Или нет, нет... давай я лучше сама к тебе приеду. Жди.

— Ты уверена? — уточнила Таня. — Может, всё-таки забрать тебя?

— Нет, я сама. Мне нужно собрать кое-какие вещи. Да и в целом... Я хочу увидеть его глаза, когда предъявлю ему доказательства.

Да, его глаза точно заслуживали того, чтобы я осталась и посмотрела в них.

Но когда я включила эту любительскую короткометражку с его участием, выражение лица моего неприятного собеседника даже не изменилось. Ни тени вины, ни капли сожаления или испуга. Наоборот, он посмотрел на меня с каким-то холодным разочарованием — мол, чего еще ожидать от неправильной, незрелой, хотя и взрослой женщины.

— Вообще-то, мудрые женщины... — он сделал явный акцент на слове «мудрые», давая понять, что ко мне это определение не имеет никакого отношения, — ...такого своим мужьям не показывают. Мудрая женщина сделает всё, чтобы отвлечь мужчину от соперницы. Нарядится, накрутится, встретит с ужином. Сделает так, чтобы он смотрел только на неё, а не по сторонам. Но... да, я совсем забыл про твой возраст, — он слегка смягчил тон и даже как-то снисходительно улыбнулся: — Ну всё, успокаивайся. Вот наши с тобой

друзья, Сергей с Юлией... Сколько раз она его ловила на изменах? И каждый раз выходила из ситуации мудрой женщиной! И ничего, между прочим, пятнадцать лет вместе живут. Тебе бы пообщаться с ней, поучиться чему-то.

— Ты чего... спала вообще? — сонным голосом спросила Таня, выдёргивая меня из воспоминаний.

Она сидела на своей кровати вся растрёпанная, спросонья щурясь от утреннего весеннего солнца, которое уже вовсю заливало комнату, и с тревогой вглядывалась в моё лицо.

А я продолжала сидеть на её небольшом диванчике, поджав под себя ноги. Я даже не плакала в привычном смысле — просто сидела в ступоре, пока с подбородка на майку капали горячие слезы.

Я наспех вытерла щёки тыльной стороной ладони.

Её простой мягкий голос окончательно вернул меня из вчерашнего кошмара прямо в сегодняшний день. Вчера был самый хреновый день в моей жизни — и он закончился. Всё. Решение принято, мосты сожжены, дороги назад нет. Теперь это просто логистика: куча текущих проблем, которые придется разгребать по мере поступления.

— Спала... — попыталась я выдавить что-то похожее на улыбку. — Просто в первые три секунды после сна ещё кажется, что ничего не было. А потом догоняет.

Таня молча кивнула. В её взгляде читалось полное понимание, но устраивать психологические разборки прямо с утра она не стала — мы слишком хорошо для этого друг друга

знали.

— Блин... — она поморщилась и потёрла лицо ладонями, переключившись на бытовые вопросы. — У меня же кофе закончился. Ты ведь его по утрам пьёшь? Есть только зелёный чай. Извини, вообще вчера забыла купить.

— Да нет, зелёный чай сейчас как раз лучше всего подойдёт.

Таня встала с кровати, подошла к окну и выглянула на улицу.

— А хотя... если тебе всё же хочется кофе, можешь сходить в магазин во дворе, — протянула она с загадочным видом. — Мне кажется, там тебя кое-кто ждёт.

Я тоже подошла к окну. У крыльца стоял Рома. Судя по тому, как он кутался в куртку и переминался с ноги на ногу, караулил он нас здесь далеко не первый час.

— Ну что? Тебе его не жалко? Или улавливаешь в этом лёгкий сталкерский вайб? — усмехнулась Таня.

— Да нет, на сталкера он не похож, — ответила я, глядя на замёрзшего Рому. — Но мне сейчас просто совсем не до новых романов.

Задумавшись на несколько секунд, я добавила:

— Слушай... а может, ты ему напишешь? У тебя же есть его номер из чата. Ну, не знаю... что-то вроде того, что ты моя подруга, и что я обязательно с ним встречусь и поговорю. А то, правда, как-то некрасиво получается — он ведь мне помог, подвёз всё-таки. Просто не сейчас. Сейчас мне

совсем не до этого... Пусть постарается понять.

— А если не поймёт, то зачем нам такой непонимающий нужен? — подхватила мою мысль подруга.

Таня быстро набрала сообщение и отправила его Роме. Мы обе снова посмотрели в окно.

Прочитав сообщение, он тут же поднял голову и скользнул взглядом по окнам дома — сразу сообразив, что те, кто ему написал, смотрят на него прямо сейчас из какой-то из квартир. И в своих догадках он не ошибся. Я тут же инстинктивно отступила назад, надеясь, что успела спрятаться за плотной шторкой и он не разглядел меня в таком виде: лохматую, опухшую от слёз, в домашней майке.

Хотя, судя по тому, как он в этот момент мягко улыбнулся чему-то своему и решительно зашагал к подъезду, заметил он абсолютно всё.

— Надеюсь, он не к нам? — с неловкостью выдохнула я.  
— Пожалуйста, если он поднимется, не открывай.

Таня весело усмехнулась:

— Да брось. Если я его знаю достаточно хорошо, а мы всё-таки соседи уже несколько лет, то шёл он явно не к нам. Впрочем, скоро узнаем.

## Глава 4

Мы с Таней синхронно подбежали к двери, и в этот момент мои ноги почему-то сделались ватными. Я буквально вцепилась в косяк, а сердце колотилось так громко, что казалось, его стук отдаётся прямо в ушах. Таня рядом тихонечко хихикала, наблюдая за мной. И мне вдруг стало так странно и весело — будто мне снова лет тринадцать и я замираю в ожидании, позовёт ли меня какой-нибудь мальчик гулять.

Минута. Две. Тишина. И вот внизу раздался гул поднимающегося лифта.

— Что если это он? А вдруг это он? — зашептала я, судорожно оглядываясь на подругу.

Один лифт, затем другой — но на нашем этаже так никто и не вышел. Таня ничего не говорила, только продолжала лукаво ухмыляться на каждую мою реплику.

— Надо же, — прошептала я, наконец отстраняясь от двери и чувствуя странную смесь облегчения и досады. — Он даже не подумал подняться. А вдруг он просто не знает, в какой ты квартире?

— Вера, ты в своём уме? — фыркнула Таня, закатывая глаза. — Он же не умственно отсталый. Мы живём в одном подъезде несколько лет, конечно, он знает, где я живу.

— А зачем он тогда так решительно шёл к подъезду? — не сдавалась я.

Таня внимательно окинула меня взглядом:

— Так, стоп. Я что слышу разочарование в твоём голосе?

— Да не то чтобы я расстраивалась... — тут же смутилась я, отмахиваясь от неё. — Просто... ладно, я сама уже не знаю, чего я хотела.

Она достала телефон, пару раз нажала на экран, и в ту же секунду мой телефон в кармане коротко пиликнул.

— Всё, я тебе скинула его контакт, — Таня убрала свой мобильник и налила себе ещё чаю. — Сразу предупреждаю: работать между вами почтальоном Печкиным и передавать любовные записочки я не собираюсь. Мне этого добра в жизни не хватало. Номер у тебя есть, дальше поступай как знаешь: хочешь — пиши, хочешь — удаляй. Всё, я свою миссию выполнила.

Я открыла чат: там уже появилось сообщение с контактом и лаконичной подписью Рома.

На первую пару я заскочила в самый последний момент, когда лектор уже раскладывал на кафедре свои методички. Предмет назывался «Экономика впечатлений». Ирония судьбы, не иначе: уж чего-чего, а ярких впечатлений за последние пару дней у меня было с избытком, и экономить на них явно никто не собирался.

Наш лекционный зал амфитеатром спускался к трибуне, поэтому я зашла с самого верхнего яруса и, чтобы не привлекать внимания, сразу прошмыгнула на ближайшую ко входу последнюю скамейку. Умопившись на длинной деревян-

ной лавке, я сползла пониже, скрываясь за спинами одноклассников.

Мозг отчаянно отказывался воспринимать информацию про архитектуру эмоционального клиентского опыта. Вместо этого пальцы сами потянулись к телефону.

Несколько минут я сомневалась, а потом решила: была не была, что я вообще теряю? И быстро набрала:

«Привет. Это Вера. Хотела тебя поблагодарить, что вчера оказался в нужное время в нужном месте. Именно ты. И извини за утренний побег — просто не люблю сюрпризы».

Не успела я загнаться по поводу того, что «поблагодарить» звучит слишком официально, а «именно ты» — вообще как-то неловко и двусмысленно, как телефон в руке коротко завибрировал.

Конечно же, это было сообщение от Ромы.

Открывать чат было откровенно страшно. Да и чего я, спрашивается, так трясусь? Что он вообще мог там написать? Я же явно ему понравилась — значит, там точно что-то хорошее. Но я всё равно сидела и тупо смотрела на экран, не решаясь открыть сообщение.

Я отложила телефон и попыталась вникнуть в лекцию, даже сделала пару записей в тетради. Прошло минут десять, прежде чем телефон снова завибрировал.

На экране высветилось короткое сообщение:

«Если ты боишься открывать чат так же сильно, как сегодня утром боялась посмотреть в окно — выдыхай, я не ку-

саюсь».

Я невольно усмехнулась. Надо же, он меня, оказывается, уже раскусил.

После этого сообщения напряжение спало, и я наконец открыла чат, пролистав к первому сообщению.

«Привет, Вера. Честно говоря, я сам рад, что вчера там оказался именно я. Какие планы на сегодня? Может, увидимся?»

Этот обычный вопрос резко вернул меня в реальность. В реальность, где я вообще не хотела думать ни о свиданиях, ни о новых мужчинах. Мне всё это было не нужно. Пофлиртовать — приятно, отвлечься от дурных мыслей — отлично, но ввязываться в какие-то интрижки я точно не планировала.

Поэтому я решила ответить максимально вежливо, но отстраненно:

«Я сейчас на парах в университете, а потом сразу домой — много дел».

Ответ прилетел моментально:

«В главном корпусе, который возле парка? Я как раз буду проезжать мимо через час. Давай подвезу? Без кофе и лишних вопросов, просто неужели сосед не может подвезти соседку?»

«Через час не получится, — напечатала я, глядя на расписание. — У меня ещё две пары. Освобожусь часов через пять, не раньше».

Ответ прилетел незамедлительно, сопровождаемый смеющимся смайликом:

«Договорились. Как раз буду проезжать мимо через пять часов».

От этого сообщения уголки моих губ сами собой поползли вверх, и я тихонько хихикнула, уткнувшись в экран телефона.

— Так-так, — раздался над ухом ехидный шепот.

Я вздрогнула и подняла голову. Рядом сидел Петров — наш главный университетский шутник и староста неофициального фан-клуба сплетен. Он разглядывал моё лицо с выражением заправского детектива.

— При переписке с мужьями или старыми знакомыми так не улыбаются, — авторитетно заявил Петров, подперев щеку рукой. — Колись, что за новый кавалер у тебя появился?

— А ты откуда вообще знаешь, какие бывают переписки с мужьями? — я тут же постаралась перевести стрелки. — Ты что, женился, что ли, а я чего-то не знаю?

Петров даже бровью не повел:

— Да нет, не женился. Всё тебя жду, — парировал он. — А ты всё упускаешь своё счастье.

Эх, Петров, где же ты был на первом курсе? Если бы ты тогда со мной вот так же флиртовал, глядишь, и вся моя личная жизнь по другому сценарию пошла бы.

Озвучивать ему эти мысли — и уж тем более так щедро подкармливать его и без того раздутое эго — я, конечно же,

не стала.

— Отстань, а? — буркнула я, убирая телефон.

Петров лишь хмыкнул и опустил взгляд на мои руки:

— Слушай-ка... А я и кольца что-то не наблюдаю, — он иронично приподнял бровь и подался чуть ближе. — Если ты развелась — дай знать. И чур первое свидание за мной!

— Петров, иди слушай лекцию, пока тебя не выгнали, — попыталась я изобразить строгий тон, но ощутила, как мое лицо обдало приятным теплом.

Стоило только снять кольцо, как вокруг тут же образовалась какая-то аномальная концентрация заинтересованных мужчин.

Петров, конечно, мой румянец заметил. Он довольно улыбнулся, но дальше докапываться не стал и переключился обратно на свой конспект.

Телефон снова дал о себе знать, напоминая о незавершенном разговоре. Точно, я же так и не ответила Роме.

«Так во сколько и где именно мне случайно проезжать?»

А мне нравится его чувство юмора. Я решила дальше не сопротивляться и набросала быстрый ответ:

«Возле главного корпуса. В три.»

Кеша бы на это точно ответил: «Ты забыла добавить "пожалуйста"». Поэтому понимая, что Рома вроде бы адекватный, я ждала в ответ что-то вроде «принято», «хорошо, буду» или «договорились».

Но он продолжал меня приятно удивлять и заставлять

улыбаться.

Когда на экране высветилась гифка с довольным, сияющим до ушей таксистом в кепке, который радостно машет рукой из машины, я просто не удержалась и тихонько засмеялась.

Я снова почувствовала на себе взгляд Петрова. Повернувшись, я встретила с ним глазами, и он лукаво мне подмигнул, явно намекая на то, что всё видит.

Я только отмахнулась про себя. Петров, Рома... Да пошёл вообще в жопу этот Кеша. Почему я о нём вдруг вспомнила посреди дня?

На следующие две пары можно было наконец-то сосредоточиться на учёбе. Пусть мой весёлый таксист в кепочке ждёт меня у входа. А если вдруг станет скучно — всегда можно пофлиртовать с Петровым. Что-то мне подсказывало, что он от меня сегодня всё равно не отстанет.

## Глава 5

Петров, конечно, тот ещё придурок, но настроение поднять мне сумел. Из-за него сосредоточиться на парах так и не получилось: он подсел ко мне, постоянно шутил, подкалывал и флиртовал. Честно говоря, я даже не могу толком вспомнить, о чём мы болтали оставшиеся две пары. Запомнилось только одно: в какой-то момент он взял ручку и нарисовал сердечко прямо на безымянном пальце — там, где совсем недавно красовалось моё обручальное кольцо.

По идее, я должна была возмутиться такой бестактностью, да и само напоминание о кольце должно было ранить. Но я была настолько вымотана и опустошена, что лишь бессильно улыбалась. Наверное, сработал защитный механизм, потому что из университета я вышла в удивительно приподнятом настроении.

Сразу с крыльца я заметила Рому, стоявшего у своей машины. Мы встретились взглядами, и в этот момент из дверей университета следом вышел Петров. Скользя взглядом по иномарке, он тут же съязвил:

— Ого, как быстро ты сменила «бэxu» на Nissan.

— Петров, отстань, а? — отмахнулась я.

— Ну, раз так, приглашать тебя в кафе я, пожалуй, не вижу смысла, — усмехнулся он. — Замену уже нашла.

— Отстань, а? У тебя вообще-то девушка есть, между про-

чим, — напомнила я.

— Да мы вчера расстались, — парировал он.

— Надо же, какое совпадение.

Эта реплика про вчерашнее расставание задела меня по живому. А тут ещё и Рома со своей машиной, припаркованной ровно на том же месте, где когда-то меня встречал Кеша.

Воспоминания накрыли меня: Кеша, неизменно безупречный, в шикарном костюме с иголки, с дорогими часами на запястье, неизменно выходящий из авто с роскошными, огромными букетами. Каждый такой приезд превращался в настоящее шоу одного актёра — уверенного в себе, любующегося каждым своим движением. Тогда меня это подкупило, сейчас я бы меньше всего хотела увидеть какую-то показуху.

Контраст был слишком резким. Лицо невольно омрачилось тенью воспоминаний, и набежавшая грусть заставила меня на секунду замереть.

Петров, заметив эту перемену, тут же попытался сгладить неловкость:

— Да ладно тебе, не расстраивайся так. Считай, что мое предложение с кофе все еще в силе.

— Да иди ты уже, не до тебя, — бросила я, отворачиваясь.

И пока я шла от крыльца к машине Ромы, мысли о прошлом неотступно крутились в голове, как бы я ни пыталась отвлечься. Но искренняя улыбка Ромы словно вытаскивала меня из омута депрессивных мыслей.

— Прости, что без цветов, — сказал Рома, когда я подошла ближе. — Подумал, ты можешь счесть это навязчивым. Или я не прав? Если хочешь, можем заехать в магазин.

— Да нет, не надо, — качнула я головой. — Цветы как раз были бы лишними. Я их вообще не люблю.

«И ведь правда не люблю», — подумала я про себя. Сколько раз я твердила об этом Кеше! Но ему было всё равно. Ему нужно было показательно вручить очередной огромный букет, демонстрируя всем вокруг размах и щедрость, и он продолжал заваливать меня букетами вопреки всем моим просьбам.

Когда мы сели в машину, Рома повернулся ко мне и улыбнулся:

— Ну что, какую услугу заказывали? «Молчаливый водитель», «Водитель, который знает кучу анекдотов и историй» или «Водитель-психолог, готовый выслушать»?

Я посмотрела на него и невольно подумала: «Надо же, какой идеальный парень. Кому-то с ним очень повезёт».

— Пожалуй, сегодня «молчаливый водитель», — улыбнулась я в ответ. — Но обещаю, это временно.

— Ловлю на слове! — усмехнулся Рома. — А «обещаю, что это временно» звучит так, будто вы оформляете постоянную подписку. Всё-всё, молчу. Теперь до дома едем без единого слова.

Мне понравилась эта его лёгкая игра — как он моментально вошёл в роль таксиста и перешёл на «вы».

Рома действительно всю дорогу вёл машину молча, лишь время от времени тепло улыбаясь. Я тем временем залипла в воспоминаниях, уставившись в окно. На стекло упали первые капли, и вскоре начался дождь — он стал идеальной декорацией под моё депрессивное настроение.

Когда ты живёшь в небольшом городе, кажется, будто каждый поворот, сквер или столики уличного кафе превращаются в декорации к вашей общей истории. И даже когда история заканчивается, эти места продолжают помнить за тебя.

Мы проезжали мимо ресторана с панорамными окнами. Именно там Кеша делал мне предложение: нанял саксофониста, подстроил всё так, чтобы под восторженные взгляды и аплодисменты всех гостей я оказалась перед выбором, из которого невозможно было красиво сбежать. Да, я и не хотела никуда сбегать. Все ждали моего заветного «да», а я чувствовала себя как на сцене, где сценарий — его сценарий — заранее прописан.

Чуть дальше мелькнуло уютное кафе с открытой верандой. В памяти тут же всплыл тот день, когда я случайно увидела, как он обнимает за талию другую девушку. А потом его уверенный, холодный голос: «Тебе показалось, ты всё придумываешь на ровном месте, это была просто деловая встреча, мне необходимо было поддержать определенный образ». И я, глупая, тогда поверила.

А вот у того высокого крыльца торгового центра я как-то

оступилась и подвернула ногу. Он тогда взбесился, больно вцепившись мне в руку, и сквозь зубы процедил, что я вечно порчу ему выход и выгляжу нелепо. Мне было до слёз обидно и больно — хотя физически синяк сошёл быстро, куда сильнее саднило от мысли, что я его позорю. Уже тогда надо было развернуться и уйти навсегда. Но он обладал страшным даром: мастерски выворачивать всё так, что виноватой в итоге всегда оставалась я.

На глаза навернулись слёзы, и я даже не заметила, как мы уже несколько минут стояли у нашего дома. Рома вежливо продолжал молчать, давая мне возможность побыть наедине со своими мыслями.

Я повернулась к нему. В его взгляде было столько тепла, спокойствия и той редкой, настоящей опоры, которую я так давно не ощущала. Мне так сильно захотелось почувствовать эту защиту физически, что я не удержалась — обняла его за шею и притянула к себе.

Это вышло само собой. Рома откликнулся мгновенно — без тени замешательства, с невероятной нежностью и чуткостью. Его губы были удивительно мягкими, тёплыми, даже горячими, и целовался он так сладко и проникновенно, что оторваться от него казалось невыносимо трудно.

Кеша вообще-то был единственным мужчиной, с которым я целовалась в своей жизни. И, как выяснилось, совершенно зря. Мой почти бывший муж целовался отвратительно. Но когда я попыталась намекнуть на это, он быстро поставил

меня на место: «Да откуда тебе знать? У тебя опыта ноль, а на меня в этом деле ещё никто не жаловался». Интересно, другие мужчины целуются так же хорошо, как Рома, или мне просто попался лучший экземпляр?

И разум тут же включился.

— Боже, что я делаю... Прости! — выдохнула я, мгновенно отпрянув.

Не давая ему времени ответить, я выскочила из машины прямо под дождь и бросилась к подъезду. Рома догнал меня у самого крыльца, мягко взял за плечи и осторожно развернул к себе, бережно убирая с лица намокшую от дождя прядь.

Я стояла, затаив дыхание, чувствуя себя абсолютно сбитой с толку. А он посмотрел мне прямо в глаза — спокойно, тепло и уверенно.

— Вера, мы никуда не спешим, — тихо сказал он. — Я прекрасно понимаю, что тебе нужно время, чтобы прийти в себя. Но мне очень понравилось. И я не против повторить. В любое время.

## Глава 6

Всю неделю Рома отвозил меня на учебу и забирал обратно. Оказалось, это не составляет для него труда — во всяком случае, он очень убедительно меня в этом заверил: он работает удаленно, так что график может выстраивать абсолютно гибко.

Любопытно, но после того вечера мы больше не целовались. Мы вообще не возвращались к тому поцелую — ни слова, ни намека, ни случайной улыбки. Рома вел себя невероятно тактично, будто ничего и не было, оставляя мне пространство, чтобы выдохнуть и прийти в себя.

Как-то раз по дороге домой Рома будто между делом обронил:

— Слушай, а ты не думала куда-нибудь съездить развеяться? Например, в тот же Египет. Весна, в Египте отличная погода, солнце, Красное море теплое. Понимаю, что, возможно, я спешу, и если перегибаю — сразу останови меня. Я все оплачу. Естественно, номера возьму разные, тебя это абсолютно ни к чему не обязывает. Буду и дальше притворяться твоим личным водителем, только уже на фоне пальм и моря. Не хочешь просто сменить обстановку и немного выдохнуть?

От его слов внутри поднялась волна благодарности — Рома был удивительно чутким. Но я лишь качнула головой и мягко отказалась.

Сначала Таня зовет меня на йога ретрит в Египет, теперь вот Рома. Я тогда только усмехнулась про себя, посчитав это обычной болтовней ни о чем. Но зерно было брошено. Кто же знал, что спустя несколько дней эта случайная фраза покажется мне едва ли не знаками судьбы.

Рома попытался не подать виду и понимающе улыбнулся, но я успела уловить эту едва заметную тень грусти, мельком коснувшуюся его лица.

— Послушай, Рома, я давно должна была с тобой поговорить, — сказала я, повернувшись к нему. — Мне с тобой очень хорошо. Ты мне правда нравишься, и мне приятно проводить с тобой время. Но ты был прав, когда сказал, что мне нужно время. Я не еду в Египет не потому, что не доверяю тебе. Нет. Скорее потому, что не хочу давать ложных надежд. Я пока сама для себя ничего не решила: не понимаю, где я, кто я и что со мной происходит.

Рома внимательно посмотрел на меня, чуть сбавил скорость и спросил:

— Значит, есть вероятность, что ты вернешься к мужу?

— Нет, — ответила я, глядя ему прямо в глаза. — Этой вероятности однозначно нет. Но я всё же совсем не готова к новым отношениям и не хочу тебя использовать. Сейчас мы классно проводим время, но... я просто боюсь, что потом сделаю тебе больно.

Рома остановил машину у обочины, повернулся ко мне и выдержал долгую паузу:

— Я всё понимаю, Вера. И я знаю, что ухаживаю за тобой — если ты не заметила, я именно это и делаю. Я прекрасно осознаю, на какой риск иду. Понимаю, что мне может быть очень больно, что моё сердце может быть разбито, тем более что ты говоришь мне всё это абсолютно прямо. Но я готов пойти на этот риск. Готов выдержать всё, если потребуется. Если вся моя награда — это вот эти наши с тобой ежедневные поездки, для меня это уже значит очень много. А если есть шанс, хотя бы крошечный процент, что в будущем у нас с тобой что-то сложится... я готов за это бороться. Потому что ты правда та самая девушка, о которой я всегда мечтал.

Я снова подумала о том, как же повезёт его будущей девушке. Хотя, если честно, себя в этой роли я не видела — во всяком случае, пока. Он казался слишком правильным и цельным для моей разбитой на мелкие осколки картины мира.

Вернувшись в квартиру Тани, я бросила сумку в прихожей и только тогда заметила на экране три пропущенных вызова от Кеши. Внутри всё сжалось, но паника уступила место глухой, ледяной усталости. Перезванивать не хотелось до тошноты, но я понимала: бежать больше некуда, юридические вопросы сами себя не решат.

Телефон завибрировал снова, прямо в руке. На экране светилось «Говнокеша».

Я глубоко вдохнула, смахнула зелёную кнопку вызова и холодно бросила в трубку:

— Алло.

Секунду на линии стояла тишина, а потом раздался его знакомый, полный ядовитого презрения голос:

— Что, уже трахаешься с кем-то?

Я стиснула зубы, заставляя себя говорить ровно и без эмоций:

— Кеша, мы с тобой чужие люди. Моя личная жизнь тебя абсолютно не касается. Давай договоримся по поводу развода. Нам нужно подать заявление вместе. Выбери день и время, когда тебе удобно, и сходим. Делить нам нечего, твое имущество защищено брачным контрактом, так что просто подадим заявление, и через месяц оба будем свободны.

Он издевательски хмыкнул:

— Так значит, ебёшься. И что, твоему новому ёбарю так принципиально, чтобы ты была официально разведена? Иначе не стоит?

— Я еще раз повторяю, — мой голос прозвучал жестко, без капли прежнего страха, — нам нужно встретиться для развода. Пожалуйста, выбери дату.

Пару секунд он молчал — я даже успела подумать, не прервался ли звонок, — а затем брякнул с гнусной ухмылкой:

— Ах да, кстати... Ты матери-то своей сказала? Как она отреагировала на то, что ты потеряла такого мужа? Напомнила тебе, как ты ей делаешь больно, и почему ты просто не можешь быть нормальной дочерью?

В этот момент я больше всего пожалела, что когда-то от-

крывала ему душу и делилась своей самой глубокой болью. Теперь он с легкостью ранил меня в самое уязвимое место.

При упоминании мамы внутри всё обрушилось, но я выдала из себя ледяное равнодушие:

— Повторяю, тебя это не касается. Разговор окончен. Жду сообщение с датой и временем, когда мы встречаемся.

Не дожидаясь его ответа, я нажала на сброс.

## Глава 7

Откладывать было некуда. Кеша в каком-то веке был прав: нужно срочно звонить маме. Если я не опережу его, он преподнесёт всё в таком свете, что она снова встанет на его сторону, а меня сделает во всём виноватой. Если с Кешей у меня хватило холодной уверенности дать ему отпор, то от одной мысли о разговоре с мамой внутри всё леденело.

Я быстро набрала мамин номер. Глубоко вдохнула, стиснула зубы и прижала телефон к уху. В голове билась только одна фраза: "Мне нужно просто быстро всё сказать, пока он не позвонил первый, а там — будь что будет."

Гудки длились недолго.

— Да. — Её голос прозвучал, как всегда, немного отстраненно.

— Мам, мне нужно тебе кое-что сказать, — перебила я ее, пытаюсь удержать дрожь в голосе. — Я, наверное, прошу тебя единственный раз в жизни просто поддержать меня. Если ты меня сейчас не поддержишь, у нас больше никогда не будет никакого доверия. Я знаю, что отношения у нас и так натянутые, но если ты хоть как-то хочешь это исправить — пожалуйста. В этот единственный раз встань на мою сторону.

Я сделала паузу, чувствуя, как ком подступает к горлу. Мне было безумно стыдно признаваться в измене Кеша, стыдно рассказывать, насколько скотски он со мной обра-

щался. Как я — такая умная, правильная, начитанная — могла выбрать себе в мужа такое ничтожество? Я не хотела вываливать грязь.

— Я развожусь с Кешей. Я больше не могу с ним быть. Пожалуйста, не спрашивай причины, просто прими моё решение. Мы разводимся.

На том конце провода повисла тяжелая, оглушающая тишина. Когда мама наконец заговорила, её голос был ледяным и страшным в своей спокойной уверенности:

— Что? Как это — разводишься? Ты вообще соображаешь, что творишь? Ты кого-то себе нашла, да? Я так и знала. Ты просто не способна оценить нормального мужчину и построить семью. Тебе досталось то, о чём другие только мечтают: богатый, успешный, души в тебе не чает, цветами заваливает, подарками, возит по курортам... А тебе всё мало. Ты хоть понимаешь, какую глупость сейчас совершаешь?

— Мам, пожалуйста...

— Молчи! — перебила она с надрывом, переходя на привычную, отработанную годами тяжелую артиллерию. — У меня сейчас сердце остановится! Ты меня в гроб уложить хочешь этим своим вздором?! Всё, я выезжаю. Я прямо сейчас беру билет на ближайший автобус и еду к тебе! Жди, я приеду и мы поговорим нормально!

— Мам, не надо...

Но она уже не слушала — в трубке раздались короткие гудки.

Я стояла посреди комнаты с онемевшими пальцами. Вся эта махина из Кеши, мамы, её больного сердца, чувства вины и упреков снова надвигалась на меня.

Я прекрасно помнила расписание: ближайший автобус из моего родного города отправлялся ровно в восемь вечера — то есть примерно через пять часов. Это значило, что уже к утру мама будет здесь, на пороге когда-то нашей с Кешей квартиры, готовая устроить грандиозный допрос и растоптать меня окончательно.

Меня накрыла такая глухая, удушающая паника, что хотелось спрятаться, чтобы они ни в коем случае меня не нашли. Я отключила телефон.

Дверь квартиры открылась, и на пороге появилась Таня — с пакетами из супермаркета, уставшая, но тут же замершая, когда она увидела меня. Я сидела на полу в прихожей, сжавшись в комок, вся в слезах, трясущаяся и задыхающаяся от паники.

— Вера? Что случилось?! — бросив пакеты, Таня подскочила ко мне, опускаясь на колени.

— Мама... она едет, — всхлипывая и заикаясь, забормотала я. — Хорошо, что она не знает, где ты живешь. А Кеша... Кеша за все эти годы ни разу не поинтересовался, где же находится квартира моей лучшей подруги. Таня, пожалуйста, спрячь меня, умоляю, мне надо спрятаться!

Таня крепко прижала меня к себе, глядя по волосам и повторяя:

— Тихо, тихо, тише... Никто сюда не придет. Они не знают адреса, слышишь? Ты в абсолютной безопасности. Никто тебя здесь не найдет.

Я зарылась лицом в её плечо, продолжая судорожно всхлипывать:

— Я выключила телефон... Я не могу, я не хочу никуда выходить, я ничего не могу...

Таня мягко отстранила меня, заглядывая в глаза, и спросила:

— Солнышко, чего бы ты сейчас хотела? Если ты считаешь, что они представляют для тебя опасность, мы просто исключим их из твоей жизни. Хотя бы на время. Но сюда они не попадут, клянусь.

В этот момент, сквозь пелену паники и страха, я вдруг отчетливо поняла, чего мне хочется больше всего на свете.

— Тань... — голос дрожал. — А ты не могла бы написать... нет, лучше позвонить... Роме со своего телефона? Я помню, ты говорила, что не будешь работать почтальоном Печкиным...

Таня тут же протянула мне свой смартфон со словами:

— Бери и звони сама, чтобы он не думал, что это я ему звоню.

Я дрожащими пальцами взяла телефон и нажала вызов.

— Алло? — раздался в трубке удивленный голос Ромы.

— Ром, привет... Это Вера, — я шмыгнула носом, пытаюсь совладать с дыханием. — Я звоню с Таниного телефо-

на... Ты дома?

— Да, — в его голосе мгновенно исчезло удивление, сменившись тревогой. — Вера, что случилось? Ты где?

— Ром... Можно я приду? Мне просто... очень сильно нужно обняться.

Пауза на том конце длилась всего секунду.

— Конечно, заходи. Я жду.

— Я буду через час.

Через час я поднялась на его этаж. Дверь открылась почти сразу. В притягательном полумраке квартиры чувствовался легкий запах свежести и... суеты. Было видно, что всё это время Рома лихорадочно наводил порядок — для холостяка, который живет один, неожиданная гостья явно была событием.

Он молча посмотрел на меня — опухшую от слез, в домашней Таниной одежде, — и в его глазах не было ни вопросов, ни осуждения.

— Проходи, — мягко сказал он.

Я прошла в гостиную и прямо так опустилась на мягкий ворс паласа, упершись спиной в ножки дивана. Рома не стал усаживать меня на диван — он опустился рядом со мной прямо на пол.

Он тут же достал из кресла пушистый, теплый плед, плотно укутав меня. А потом улыбнулся и кивнул на журнальный столик.

— Я... честно говоря, не знаю, что ты любишь из еды, —

виновато признался он. — Мы уже неделю знакомы, а я даже не спросил, какую кухню ты любишь, ни разу не решился тебя куда-то пригласить. Но на всякий случай заказал всё подряд. Тут и суши, и пицца, и какие-то пирожные... Ну, короче, выбирай сама.

Я посмотрела на заставленный коробками столик, и сквозь слезы тихонько усмехнулась:

— Ром... я, конечно, люблю покушать, но не настолько же, чтобы сожрать все это.

Он улыбнулся в ответ, обнимая меня за плечи и прижимая к себе.

— На самом деле... я не хочу есть, — тихо сказала я, утыкаясь лбом ему в плечо. — Мне нужна поддержка. Можем мы просто... посидеть молча и пообниматься?

— Конечно, — шепнул он, прижимая меня еще ближе.

В комнате горел только один неяркий светильник, отбрасывая мягкий желтый свет на стены. По телевизору тихо шло какое-то кино, с абсолютно предсказуемым сюжетом, где героиня приехала из маленького городка, устроилась секретаршей, а очень богатый и очень солидный шеф влюбился именно в нее, простую, без макияжа, каблуков, брендов. Хотя его окружали красотки, как на подбор модели, которые, конечно же, ненавидели и строили козни нашей героине.

— Ром, ты не сильно обидишься, если я вообще есть не буду? — тихо спросила я, подняв на него глаза. — У меня совсем нет аппетита. Я правда сказала, что просто хочу об-

ниматься.

Он ничего не ответил, лишь улыбнулся и прижался ко мне еще ближе. Как же сильно мне хотелось его поцеловать — тот поцелуй в машине всё никак не выходил из головы, а вся атмосфера его квартиры буквально располагала к близости. Но я не решалась даже бросить взгляд на его губы, потому что отчетливо понимала: притяжение между нами настолько сильное, что одним поцелуем всё точно не закончится.

Я положила голову ему на плечо и зажмурилась. В этот момент мне стало так хорошо, спокойно и тепло, как не было, наверное, никогда в жизни. Страх отступил. Появилось удивительное чувство, будто вся тревога, надвигающаяся опасность, мама, Кеша с его ядовитыми выпадами — всё это осталось далеко за огромной, нерушимой стеной. Пока я была здесь, рядом с Ромой, ничто из того внешнего мира не могло до меня добраться. Здесь я находилась в абсолютной безопасности.

Я не заметила, как заснула. А когда открыла глаза, за окном уже начинало смутно светать. Рома всё так же сидел рядом, опираясь спиной на диван, и смотрел на меня — уставший, но невероятно мягкий и теплый.

— Ты что... всё это время не спал? — прошептала я, чуть потянувшись.

— Конечно, — улыбнулся он. — Я же должен был охранять твой сон.

Я вдруг спохватилась:

— Рома, я ведь оставила ключи у Тани в квартире... Если я сейчас вернусь, то разбужу её звонком в дверь.

— Никаких проблем, — ответил Рома спокойно и совершенно естественно. — Давай я постелю тебе в спальне, а сам лягу здесь, на диване. Честно говоря, я бы и сам уже не отказался поспать нормальным сном. Хотя, если хочешь, можем оставить всё как есть: ты спишь дальше, а я продолжу тебя охранять.

— Хотя мне и неудобно, от предложения поспать в нормальной постели я не откажусь, — смущенно ответила я. — Но ты можешь просто уступить мне диван, зачем тебе уходить из собственной спальни? Я спокойно лягу прямо здесь.

Рома чуть нахмурился:

— Вера, пока ты в моем доме, ты будешь спать в самой удобной кровати. Без вариантов. И давай сразу договоримся: тебе передо мной никогда не должно быть неудобно.

Он застлал кровать свежим бельём, поправил мне подушку и заботливо подоткнул края одеяла, на мгновение задержав тёплую ладонь на моей щеке. Мне до безумия захотелось попросить его остаться — просто побыть рядом. Но разум трезво подсказывал: если он останется, одними лишь безобидными обнимашками всё вряд ли закончится. И всё же в глубине души маленькая, уязвимая часть меня искренне надеялась, что он сам предложит остаться.

Но Рома, как истинный джентльмен, не стал ни на чём настаивать. Он шагнул к выходу, тихо шепнул от двери: «Слад-

ких снов, Вера», выключил свет и прикрыл за собой дверь, оставив меня одну в спальне, которая все еще хранила его аромат.

## Глава 8

Утром я попыталась незаметно сбежать.

— На носочках? Серьезно? — раздался за спиной сонный, слегка хриплый голос.

Я замерла посреди гостиной, уже успев сделать пару шагов к двери, и виновато обернулась. Рома лежал на диване, лохматый, сонный и донельзя смешной — с учетом того, что он честно просидел без сна почти полночи.

— Я... я просто хотела тихонько вернуться к Тане, пока она не ушла на работу, — пробормотала я, сгорая от неловкости.

— Без завтрака я тебя не отпущу.

— Ром, но у меня же нет с собой ключей, я оставила их у Тани, — попыталась аргументировать я. — Если я сейчас пойду к ней в квартиру, она уйдет на работу, а у меня там...ну, в общем, мне нужно уйти именно сейчас.

Не дослушав, Рома мягко перебил:

— Перестань переживать. Сиди здесь. Я сам позвоню Тане, спущусь и заберу твои ключи. И оставайся пока у меня, ладно? Ну, пожалуйста.

Заметив его умоляющий взгляд, я сдалась:

— Хорошо. Спасибо, Рома.

Вернуться сейчас в квартиру Тани означало остаться одной в чужих четырёх стенах на весь день. Я знала, что прямо

сейчас мамин автобус въезжает в город, и она сразу попадёт к Кеше. Они непременно встретятся, станут обсуждать меня, строить планы, как вернуть меня «на путь истинный». От этой мысли к горлу подступал страх. Остаться в одиночестве в таком состоянии было невыносимо, а здесь, рядом с Ромой, я всё ещё ощущала себя под защитой.

Мне было приятно наблюдать, как Рома возился на кухне, заваривая кофе и накрывая на стол. Телефон остался в сумке, в квартире у Тани, выключенный, но одно воспоминание о нем вызывало тревогу.

— Ром... я сегодня никуда не пойду. И на учебу, наверное, тоже. И завтра, и вообще в ближайшие дни... Не могу. Я просто физически не смогу никуда выйти из дома.

Он сел напротив, внимательно и мягко глядя на меня без тени осуждения или раздражения:

— Хорошо. Не ходи. Тебе никто не запрещает побыть в безопасности столько, сколько нужно. Хочешь, мы куда-нибудь сегодня сходим развеяться? Выберемся из четырех стен?

Я испуганно покачала головой, чувствуя, как внутри снова сжимается ледяной узел:

— Нет. Я вообще не хочу выходить на улицу. Мне страшно. Мне кажется, что за каждым углом... ну, ты понимаешь.

Рома протянул руку через стол, накрывая мои дрожащие пальцы своей теплой ладонью:

— Я же буду с тобой. Ты не одна.

Я чуть помедлила, заглядывая в его глаза, где было столько безусловной нежности, и тихо попросила:

— А можно... мы снова как вчера? Просто посидим под пледом, пообнимаемся, и всё?

Он кивнул:

— Вера. Тебе никогда не нужно спрашивать разрешение для таких вещей.

Этот крошечный момент уютного тепла и абсолютного принятия мягко растворил хотя бы часть того ужаса, что скопывал меня изнутри, контрастируя со всеми теми бурями, которые уже закипали где-то там, за прочными стенами этой квартиры.

К вечеру я всё же заставила себя выбраться из этого убаюкивающего тепла и уюта Роминой квартиры — из ощущения, что я хочу, чтобы этот момент не заканчивался никогда. Я вернулась к Тане.

Моя дорогая подруга встретила меня с глубоким сочувствием, обняла и, усадив на диван, мягко заговорила:

— Слушай... Мне бы очень не хотелось портить тебе этот вечер, но мне звонил Кеша. Твоя мама приехала ещё утром, они весь день провели вместе, а сегодня вечером она уже уезжает обратно на автобусе.

Я похолодела, вцепившись пальцами в край пледа.

— Они стояли на ушах и грозились чуть ли не в полицию идти, подавать заявление в розыск, раз твой телефон отключен, — продолжила Таня. — Но я им сразу пресекла

эту истерику. Я сказала им прямо, что с тобой всё в порядке, ты жива и в безопасности, но просто пока не готова с ними общаться. Конечно, они начали наседать, давить, требовать, чтобы я назвала адрес, выпытывали, где ты... Но я, разумеется, ничего им не сказала.

Таня тепло и ободряюще сжала мою руку:

— Как ты хочешь поступить теперь, Вера? Мама уезжает, но они напуганы. Чем я ещё могу тебе помочь?

Как ни тяжело мне было это сделать, как сильно всё внутри меня противилось этому шагу, я всё же дрожащими руками включила телефон.

Стоило экрану загореться, как на него лавиной обрушились уведомления: сотни пропущенных вызовов и сообщений. От Кеши, от мамы... Сообщения пестрели показной заботой, мягкими уговаривающими фразами, попытками достучаться.

Глубоко вздохнув, с замирающим сердцем я набрала мамин номер. Гудки шли мучительно долго, а когда она ответила, я услышала её голос — надломленный, уставший и... плачущий. От этого звука внутри всё сжалось от острой, жгучей боли. Я мгновенно осознала, что делаю ей больно, что её слезы — это тоже результат моего решения.

Мама всхлипывала в трубку, говоря о том, как сильно она устала, ведь ей снова предстояло ехать обратно в ночном автобусе. Она горько упрекала меня: «Ты даже не пришла на вокзал проводить меня, не вышла встретиться. Неужели ты

меня так сильно ненавидишь? Ну да ладно, я это стерплю, я перетерплю всё ради тебя».

Её монолог продолжался, переходя от обиды к давящей, удушающей жалости:

— Только, пожалуйста, не ломай себе жизнь, доченька. Ты ведь не сможешь найти ещё раз такого мужчину, как Кеша. Ну кто из нас не ошибается? Да, оступился один раз, с кем не бывает? Но он же кается, он искренне просит у тебя прощения! Он такой прекрасный, надежный, вернись к нему... А я... я уж как-нибудь сама. Ты не хочешь меня видеть — хорошо, я уеду, не буду тебе докучать. Но я же твоя мама, моё сердце за тебя болит! Ты же рушишь собственную семью, своими руками разрушаешь свою жизнь. Пожалуйста, услышь меня, вернись к нему.

С тем, что я для неё — плохая, недостойная дочь, я, кажется, смирилась уже давно. Но от этого понимания боль не становилась слабее. Мне казалось, будто в моих руках зажат тяжелый нож и я медленно, сантиметр за сантиметром, разрезаю им материнское сердце.

Выбор стоял вовсе не между семейным благополучием и моим капризом. Выбор был куда страшнее. Либо я продолжаю резать ножом её сердце, либо собственными руками вырываю своё, заживо хороня себя рядом с Кешей.

Впервые за всю жизнь внутри меня что-то надломилось и встало намертво. А что, если я хоть раз в жизни выберу саму себя, а не буду оправдывать чьи-то ожидания?

Да, если с мамой что-то случится после этой истории, учитывая все её манипуляции и здоровье, этот тяжелый груз вины ляжет на мои плечи навсегда. Я понимала это отчетливо и была готова нести эту ответственность до конца дней. Но вернуться к Кеше — нет. На это у меня больше не было ни единой капли жизни.

Я сглотнула застрявший в горле ком и прервала её бесконечный, давящий монолог:

— Мам, я приняла окончательное решение. Я к нему точно не вернусь. Пожалуйста, просто свыкнись с этой мыслью. И... напиши мне, когда доберешься домой. Пока.

Не дожидаясь её слез или новых упреков, я нажала на сброс.

Конечно же, она мне не написала с утра, когда доехала.

И не писала, не звонила мне ещё несколько дней. В её системе координат это была самая жестокая, проверенная годами кара — наказать меня молчанием, заставив вариться в собственном вине и мучительных догадках, добралась ли она живой, не схватило ли у неё сердце по дороге.

Мне всё ещё было дико больно. Обида жгла изнутри раскаленным железом, а перед глазами то и дело вставало заплаканное лицо мамы и её слова. Но сквозь эту живую, кровоточащую боль пробивалось другое — холодное, звенящее понимание: пути назад больше нет.

Я точно знала: если дать слабинку сейчас, если поддаться этой страшной манипуляции и пойти на попятную, то всё,

что я уже сделала, все эти разбитые нервы, побег, этот вечер у Ромы — всё окажется бессмысленным. И тогда ад, из которого я только-только выцарапала себя, хлопнется снова, но уже навсегда, окончательно переломав мне хребет.

Чтобы хоть как-то вернуть жизнь в привычное русло, я достала телефон и написала Роме:

«Завтра я возвращаюсь на учёбу. Если у моего личного водителя всё ещё есть желание подбросить меня, то, как всегда, в 8:00 у подъезда».

Ответ прилетел мгновенно:

«Завтра в восемь? А как же наши традиционные вечерние обнимашки под сериальчик? Может, ты просто переметишься ко мне прямо сейчас, а утром мы поедem на учёбу уже отсюда?»

Я улыбнулась, но внутри всё ещё сидел страх слишком быстро подпустить кого-то близко:

«Ром, пожалуйста, не дави. Мне правда нужно немного побыть с собой и перевести дух».

Рома тут же сбавил обороты и прислал смешной стикер с грустным котом, заворачивающимся в плед.

Мама нарушила своё трёхдневное молчание внезапно. Телефон завибрировал на столе, и от одного взгляда на экран внутри всё похолодело.

Я приняла вызов. Голос матери звучал странно ровно, почти отрешенно, что пугало ещё больше:

— Вера. Я приняла твой выбор. Я всё поняла, ты уже

взрослая женщина, сама решаешь свою судьбу. Твои грабли — наступай на них сколько хочешь, я больше слова не скажу.

Я едва заметно выдохнула, чувствуя, как с плеч спадает часть невыносимого груза. Но пауза затянулась, и в тишине прозвучал её следующий удар:

— Я могу попросить тебя только об одном? Об одной-единственной вещи ради меня. Встретиться с Кешей. Всего один раз. Ты даже не дала ему шанса объясниться, выслушать его версию. Пожалуйста, сделай это ради меня. Не сойдетесь — так не сойдетесь, я всё пойму и больше никогда не вернусь к этой теме. Просто поговори с ним лицом к лицу.

Как же так? Я же только что отстояла себя, выцарапала эту свободу, построила стену... Но мамин голос был настолько лишён прежней агрессии, в нём сквозила такая усталая покорность, что моё сопротивление треснуло. Я словно провалилась в западню: отказать сейчас значило снова запустить карусель обвинений.

— Хорошо... — выдавила я из себя тихо, чувствуя, как по телу разливается глухое оцепенение. — Один раз. Я встречу с ним.

Не прошло и пяти минут после маминого звонка, как экран телефона снова ожил. Новое сообщение от Кеши — короткое, с уверенной, привычной хозяйской интонацией: координаты шикарного ресторана в центре, бронь на вечер и подпись: «Я знал, что ты разумная девушка. Жду тебя завтра в восемь в твоём любимом ресторане. Забронировал столик,

который тебе больше всего понравился».

Я посмотрела на строчки и горько усмехнулась про себя: «Мой любимый ресторан? Это твой любимый ресторан, да и столик тоже. Ну что ж, завтра так завтра».

## Глава 9

Кеша любил повторять, что я выгляжу как старая бабка. И смотрел всегда с таким нескрываемым, брезгливым отвращением, будто не с молодой двадцатилетней женой в ресторан собирался, а отбывал тяжелую повинность, ухаживая в больничной палате за угасающей старухой. За тот единственный год, что мы были в браке, я привыкла чувствовать себя рядом с ним именно такой — сутулой, поблекшей и вечно виноватой.

Из-за этого перед каждым выходом с ним «в свет» я проходила через унижительный ритуал досмотра. Ему всегда казалось, что я выгляжу недостаточно хорошо для тех мест, куда он меня водил. Порой мне приходилось переодеваться по три раза: платья летели на кровать, потому что цвет казался ему блёклым, фасон — простоватым, а мой вид в целом — не соответствующим его статусу.

Уж молчу про причёску и макияж. Однажды я просто собрала волосы в высокий хвост. Кеша подошел сзади, грубо схватил меня за волосы и дернул назад так, что шея хрустнула.

— Только деревенская дура может пойти в ресторан с хвостиком, — брезгливо бросил он.

— Кеша, мне же больно! — вскрикнула я, пытаюсь выкрутиться.

— Что ты врёшь? — он даже не моргнул. — Если бы я хотел сделать тебе больно, ты бы здесь так спокойно не стояла. Не придумывай. Расчешись нормально, уложи волосы и пошли. И не вздумай реветь! Мне не нужны твои красные глаза и потёкшая тушь.

Я прекрасно понимала, в какой ресторан мы идём, и знала, как там будут выглядеть дамы и их кавалеры. Готова была поспорить: Кеша приедет в идеальном костюме от Hugo Boss, в отполированных туфлях и обязательно с огромным букетом — всё ради безупречной картинки.

Вот только у меня с собой ничего не было. Все наряды остались в квартире Кеши. Хотя трудно сказать, что они вообще когда-либо были моими — они ведь куплены на его деньги, о чём он не постеснялся напомнить перед самым моим уходом. Что ж, пусть теперь сам их носит или отдаст своим новым подружкам. Сожалеть о каких-то тряпках точно не входило в мои планы.

А гардероб Тани на восемьдесят процентов состоял из всевозможных видов спортивной формы. На десять процентов — из оверсайз-толстовок и свитеров, превращавших спортивные комплекты в её привычный кэжуал. И еще на десять — из нарядов, которые я про себя называла «костюмами для съема»: ультракоротких мини-юбок, блестящих топов и микро-шорт для походов по клубам.

Выбор был невелик, но, честно говоря, я и не собиралась заморачиваться.

— Вообще-то у меня есть кое-что на такой случай, — Таня порылась в шкафу и выудила оттуда лаконичное чёрное платье. — Для ресторанов. Если хочешь произвести впечатление и заставить бывшего кусать локти — это оно.

— Не хочу, Тань, — я качнула головой. — Мне вообще всё равно, что он подумает.

Наряжаться для Кеша, пытаться его впечатлить или выслушивать новые придирчивые замечания о своём виде у меня не было ни малейшего желания. Я просто влезла в самые обычные легинсы и объёмное худи, собрав волосы в небрежный пучок. Никакого макияжа, никаких сложных укладок.

В этот момент телефон в моей руке вибрировал от входящего сообщения «Говнокеши».

«Дорогая, скинь адрес подруги, откуда тебя забрать. Заеду в 19:30, будь готова».

Кеша писал так, будто мы никогда не ругались, будто я не ушла от него среди бела дня, а просто гостила у подруги, и теперь заботливый муж забирает жену домой. Он знал, что я у Тани, и воспринимал это не как разрыв, а как досадную детскую выходку, которую он великодушно готов простить.

Как же меня раздражала его самоуверенность. Может, потому что у меня самой её никогда не было? А может, меня просто раздражало всё, что имело к нему отношение. Эта встреча и так ощущалась как ошибка, а теперь, после его сообщения, и вовсе казалась полным проигрышем.

Где находится Танина квартира я, разумеется, говорить не

собиралась. Эту тихую гавань — единственное место, где я действительно спаслась — ни Кеша, ни моя мама не должны были знать.

«Я знаю адрес ресторана, буду на месте в 8», — ответила я.

Ресторан встретил меня привычным гулким полумраком, запахом дорогого парфюма, травяных чаев и полированного дерева. Здесь ничего не изменилось. Нас знали. Вернее, знали Кешу — его щедрые, почти демонстративные чаевые открывали любые двери, заставляли метрдотеля кланяться чуть ниже положенного, а официантов — предугадывать желания еще до того, как они будут озвучены. Наш постоянный столик в полупанорамной нише уже ждал нас.

Кеша поднялся навстречу с той безупречной, выверенной грацией человека, который привык ощущать себя главным героем в любом интерьере. Идеальный костюм сидел на нем так, будто он родился в этой дорогой тройке; каждый манжет, каждая запонка, каждый волосок в прическе кричали о тщательно откалиброванном превосходстве. Нарцисс до кончиков ногтей. И, глядя на то, как он расправляет плечи, я отчетливо поняла: этот спектакль он разыгрывает одновременно и для меня, уставшей от его перформансов, и для замерших в полуобороте официантов, и для случайных зрителей за соседними столиками. Ему было жизненно важно выглядеть победителем.

Его оценивающий взгляд скользнул по мне снизу вверх.

Человек, плохо знающий Кешу, ничего бы не заметил: его лицо оставалось безупречно гладким, а на губах играла та же полуулыбка. Но я за этот год научилась читать его мимику.

Я уловила этот короткий импульс — секунду, когда его глаза на мгновение сузились, а в глубине зрачков вспыхнуло глухое раздражение и досада. Мои легинсы, худи, хвостик на затылке и полное отсутствие макияжа не вписывались в его представление о правильном вечере в правильном месте. Ему хотелось поморщиться, высказать мне всё с привычным снобизмом, но он головой понимал: сейчас не тот момент. Ему приходилось гасить этот порыв прямо на лету, пряча разочарование за привычной маской полного самоконтроля.

Я еще не успела сделать и шага к креслу, как из полутьмы зала бесшумно, словно по невидимому знаку, возник официант. В его руках материализовался чудовищно роскошный, тяжелый букет.

Кеша, безупречно знавший светские условности, мастерски разыграл эту мизансцену. Одним коротким, властным кивком он принял цветы из рук официанта и протянул их мне, заглядывая в глаза с той фальшиво-театральной нежностью, которую, казалось, репетировал перед зеркалом каждое утро.

— Вера, рад тебя видеть, — произнес он чуть громче, чем требовалось для камерной обстановки нашего угла, как раз настолько, чтобы слышали соседи.

Я приняла букет, даже не скрывая досады: я никогда не

любила срезанные цветы, считая глупым и негуманным обрывать жизнь растений ради чьей-то минутной показухи. И в ту же секунду — по безукоризненному этикету люксового сервиса — расторопный официант бережно, без лишних слов забрал цветы из моих рук. Через мгновение букет уже стоял в высокой хрустальной вазе на изящной консоли рядом со столиком.

Декорации были расставлены идеально. Оставалось только сыграть свои роли до конца.

— Вера, я уже позволил себе заказать твои любимые блюда, — произнес он, садясь в кресло напротив и расстегивая пуговицу пиджака. — Нам принесут медиум-рэр рибай, салат «Цезарь» с креветками и так кое-какие закуски. Решил не тратить время на меню, мы ведь и так всё знаем.

Он улыбнулся — снисходительно и уверенно, искренне убежденный в собственной заботе.

Я молчала, лишь вежливо кивая в ответ, а про себя думала: боже мой, Иннокентий, я ела эти чертовы стейки только потому, что их заказывал ты. Потому что тебе нравилось играть в гастрономического покровителя, а мне было проще согласиться, чем выдерживать твои лекции о прожарке и мраморности. Я вообще не особо люблю мясо. Но ты за целый год брака так и не удосужился узнать, что я на самом деле предпочитаю на ужин.

Официант откланялся, а Кеша аккуратно расправил на коленях тканевую салфетку. Его движения были идеальны-

ми, спокойными, почти убаюкивающими — он с апломбом отыгрывал роль заботливого, снисходительного мужа, у которого всё под контролем. Будто не было нашей ссоры, будто я не ушла от него, будто мы просто пришли отужинать в наш привычный ресторан после обычного дня.

— Как день прошёл? — спросил он со своей фирменной, слегка покровительственной улыбкой, чуть наклонив голову. — Надеюсь, ты не слишком утомилась? Я, честно говоря, зарылся сегодня в бумагах, но всё-таки выкроил вечер. Вера, я соскучился по тебе.

Он говорил легко, непринуждённо, без единой фальшивой ноты в голосе, профессионально завязывая ни о чём не обязывающий small talk. Так держат себя люди, уверенные, что ситуация целиком принадлежит им.

— Встретил вчера, кстати, Артура, — продолжал он, аккуратно поправляя запонку. — Спрашивал про тебя. Я сказал, что планируем скоро выбраться на море, вот выбираем между Мальдивами и Сейшелами. Кстати, ты ведь не против, если мы заскочим к ним в субботу?

Каждая его фраза была аккуратно расставленной ловушкой: вести себя так, будто темы развода вообще не существует в нашей реальности. Сделать вид, что мой приход — это просто капитуляция, а разговор о расставании — глупость, о которой даже стыдно заикаться в таком приличном месте.

— Он в субботу собирает у себя за городом, — продолжал он тем же ровным тоном, крутя в пальцах бокал. — Я

подумал, нам стоит съездить. Погода как раз отличная, да и по работе есть пара моментов, которые нужно обсудить в неформальной обстановке.

Его голос журчал словно фоновый шум, наполняя паузу привычной дребеденью.

Я едва заметно вздохнула и прямо перебила его:

— Кеша, ты хотел поговорить со мной о работе? Об Артуре? Или о чём? О чём ты хотел со мной поговорить, Кеш? Почему ты настоял на этой встрече?

Кеша слегка откинулся на спинку кресла и поправил манжет. В его взгляде мелькнула тень наигранной обиды — той самой, которую он так умело использовал, когда хотел переложить вину.

— Что так грубо, Вера? — тихо, с мягкой укоризной произнёс он, чуточку разводя руками. — Неужели я не могу просто провести вечер со своей женой?

— Кеша, я пришла поговорить о конкретной дате развода, — спокойно перебила я его, глядя прямо в глаза. — Я всё уже решила. И давай сразу начистоту: мы либо идём вместе в ЗАГС и спокойно подаём заявление, либо я подаю документы через суд, и нас всё равно разведут — максимум через три месяца, автоматически. Я не понимаю, к чему этот спектакль.

— Вера, я всё понимаю, — мягко ответил он, попытаюсь вернуть голосу прежнюю доверительность. — Я просто хотел сгладить углы, немного снизить градус напряжения. Мы

с тобой, конечно, обо всём поговорим. Но давай сначала спокойно поужинаем, а потом уже всё обсудим, хорошо?

Он слегка нервно улыбнулся. В этом движении не было прежней вальяжной уверенности — будто в глубине души он уже начал осознавать, что больше не имеет надо мной той власти, которая была у него раньше.

Никогда прежде я не испытывала к Кеше жалости. Но сейчас — то ли от смутного сочувствия к тому, как этот всегда сильный, неприступный и безупречно уверенный в себе человек вдруг дал слабину, то ли оттого, что я ещё просто не научилась до конца выстраивать свои границы и твёрдо говорить «нет», когда меня заставляют делать то, чего я не хочу... Как бы там ни было, я сдалась. И осталась.

## Глава 10

Аппетита не было совсем. Я лишь ковыряла вилкой по тарелке с салатом, с трудом дожидаясь момента, когда мы наконец перейдём к «основному блюду» нашего вечера — к тому самому разговору, ради которого я вообще сюда пришла.

Кеша закончил ужинать с безупречной грацией. Он аккуратно промокнул уголки губ тканевой салфеткой, сложил её вдвое и положил слева от тарелки, а приборы бесшумно сдвинул параллельно друг другу — идеальный знак официанту, что блюдо завершено. Этот его нерушимый ритуал высокого этикета означал только одно: отступать дальше некуда, сценарий исчерпан и настало время говорить.

— Вера, та история с Надей... — осторожно начал он, чуть наклонившись ко мне. — Я, конечно, понимаю, что был неправ. Но ты думала, я не заметил камеру? Конечно, я видел эту камеру. Я просто хотел привлечь твоё внимание. Хотел тебя позлить, хотел, чтобы ты меня приревновала. Мне просто не хватало страсти! Да, я ошибся, выбрал не тот метод. Но Надя... господи, она для меня вообще ничего не значит.

Меня позлить, серьёзно? — подумала я, глядя на его сцепленные в замок пальцы и идеальный гигиенический маникюр. — У тебя было почти две недели, и ты не смог придумать отговорку правдоподобнее? Хотя насчёт того, что Надя

для тебя ничего не значит, я, конечно, верю. Для тебя вообще никто, кроме тебя самого, ничего не значит.

Я ничего не ответила, и Кеша, приняв моё молчание за знак продолжать, воодушевлённо пошёл дальше.

— Послушай, Вера... А ты меня вообще когда-нибудь любила? — его голос стал тише, в нём прорезались обиженные, почти трагические нотки. — Мне просто трудно поверить, что человек, который реально любит, может вот так просто разрушить семью. Из-за какой-то глупой, маленькой ошибки! И из-за этого всё рушить? Может, ты просто ждала подходящего момента? Ждала, пока я оступлюсь, чтобы у тебя наконец появился повод уйти? Я никогда бы не подумал, Вера, что ты настолько жестокая.

Опять манипуляция, — мысленно вздохнула я, смотря на его драматично сведённые брови. — Переложить всю вину с больной головы на здоровую, сделать из себя жертву, а из меня — хладнокровного палача. Классика. Хотя... может, он и прав? Может, я и правда его никогда не любила? Откуда мне знать? Мы познакомились, когда мне было всего восемнадцать. Повстречались полгода — и сразу расписались. Я вообще толком не знаю, что такое любовь. Так что, может, и не любила вовсе... Зато я точно знаю другое: сейчас мне уже совершенно не больно. И я точно не хочу с ним быть.

— Вера, в конце концов... — его голос вновь обрёл привычные самоуверенные нотки, но в них отчетливо сквозило презрительное покровительство. — Я ведь твой первый

мужчина. Ты просто не представляешь, как после меня сможешь с кем-то сойтись в постели — такого уровня просто не существует, давай будем честны. Я уж молчу о статусе. Ты, что же, хочешь остаться разведенной женщиной? Так я расскажу тебе: разведенные женщины у нас особо не котируются. Ты просто добровольно обрекаешь себя на вечное одиночество. И всё это — из-за какой-то мелкой ошибки? Брось, Вера. Я же прекрасно знаю, что ты меня любишь. Ты никогда не найдешь себе кого-то лучше меня.

Первый, да, — я с трудом удержалась, чтобы не скривиться. — К сожалению. А вот насчёт того, что никого не найду — тут ты, конечно, сильно ошибаешься. У меня тут уже целая очередь из желающих образовалась. Надо же как-то проверить: секс — это вообще такое неприятное занятие или это только с тобой мне так «повезло»? И уж поверь, свою возможность я точно не упущу.

— Ты так и будешь молча сидеть? — в его голосе проскользнуло раздражение, хотя он тут же попытался вернуть ему прежний, бархатный тон. — Или, может, хоть что-то мне скажешь?

Я понятия не имела, что отвечать в таких случаях. Мне просто хотелось, чтобы этот вечер наконец закончился и я могла уйти. Но как правильно поставить точку, я не представляла.

Я попыталась что-то промямлить:

— Кеш... Я не хочу возвращаться. Не могу тебя простить.

Мне было очень больно... И дело ведь не только в измене, у нас в целом не всегда всё было гладко.

Стоило мне подать голос, как он тут же перебил меня. Пока я молчала, ему сложно было парировать, а тут появилась конкретная зацепка.

— Не всё было гладко? — его глаза азартно блеснули. — А почему ты думаешь, что в этом виноват только я? Думаешь, с кем-то другим всё сразу станет идеально? Вера, в любом конфликте всегда виноваты двое, а не кто-то один. Это же база. Но ты не думай, я тебя не виню. Если дело только в этом, давай пойдём к семейному психологу. Я не против, я готов работать над отношениями.

— С какими отношениями ты собрался работать? — мысленно усмехнулась я, скрестив руки под столом. — Нет уже никаких отношений. Лучше поработай над собой и своим нарциссизмом, психолог тебе вряд ли поможет.

Вслух я сказала совсем другое — тихо, но твёрдо:

— Кеш, я правда устала. Я больше не хочу продолжать этот разговор. Я хочу вернуться домой...

— Вообще-то твой дом там, где твой муж, — мгновенно парировал он, упрямо вскинув подбородок. — Вера, ты поняла, о чём я. Пожалуйста, давай не будем...

— Кеш, пожалуйста, давай закончим этот разговор, — перебила я, чувствуя, как внутри нарастает глухое раздражение.

Он тяжело вздохнул, играя обиженную жертву:

— Ну хорошо...

И тут же демонстративно вывалил на стол несколько пачек пятидесятирублевых банкнот.

— Бери. Я не хочу, чтобы ты умирала с голоду, — снисходительно бросил он. — Всё-таки я твой муж, я несу за тебя ответственность.

Конечно, мог бы просто перевести на карту, — подумала я, глядя на лежащие на столе купюры. — Но тогда это не было бы так пафосно и демонстративно. Ему нужно было шоу, чтобы все вокруг видели, какой он щедрый благодетель.

Будь я сильной и независимой... Или будь у меня хотя бы работа, хоть какие-то собственные сбережения — я бы в этот же момент молча встала и ушла. Потому что это выглядело вовсе не как помощь человека, который хочет поддержать. Это было чистой воды издевательство над тем, кто сейчас слабее.

Мне было противно от самой себя, от ощущения собственного бессилия, но я всё равно взяла эти деньги.

Последние две недели я жила у Тани, полностью на её содержании. Таня платила за квартиру, тянула всё на себе, и мне до слёз хотелось хоть как-то её отблагодарить, купить продуктов, хоть немного облегчить ей жизнь. Я не умерла с голоду только благодаря Тане — ну и тем редким бутербродам, что Петров покупал мне в знак своих ухаживаний, от которых я тоже не отказывалась.

Пересчитывать купюры прямо там, под его торжествую-

щим взглядом, я не стала — это было бы совсем уж унижительно. Только потом, уже дома у Тани, когда я аккуратно достала пачку из сумки, выяснилось, что там ровно триста тысяч. Для Кеши — так, мелкий расходный чек за красивый жест, а для нас с Таней на тот момент — целое состояние.

— Спасибо, — сухо бросила я, поднимаясь из-за стола, и вышла из ресторана, не оглядываясь.

## Глава 11

Я выбежала из ресторана на прохладный вечерний воздух, никак не могла надышаться, будто я была не в дорогом заведении, а в душной клетке. В сумочке лежала крупная сумма денег, которая пахла унижением, но давала мне хоть какую-то передышку. Мне хотелось только одного: скорее вернуться в квартиру, которую я пока называю домом.

— Вера!

Резкий, пронзительный оклик заставил меня вздрогнуть. Я обернулась.

Недалеко от входа стояла Надя. Её глаза сверкали поддельным праведным гневом, губы были поджаты, а во всей позе сквозило такое торжество обиженной собственницы, будто она застала меня на месте преступления. Будто это она законная жена Кеши, а я любовница, потерявшая остатки совести.

— Ты... — Надя шагнула ко мне, понизив голос. — Как ты вообще могла? Ты же сама сказала, что вы расстались! Я видела вас. Я своими глазами видела, как вы сидели за столиком! И даже не пытайся мне лгать. Вы были вместе.

Я замерла, ошеломленная этим напором. В первые секунды у меня просто не было слов.

— Ты же мне клялась, что всё кончено! — продолжала насаждать она, тыча в меня пальцем с безупречным маникю-

ром. — Почему ты никак не можешь от него отстать? Я понимаю, конечно... Такой мужчина, деньги, статус — другого такого ты в жизни не найдёшь. Но всё! Ты своё упустила, ты собрала свои вещи, ушла — так имей гордость! Почему тебе обязательно надо лезть в нашу жизнь? Почему тебе вечно надо всё портить?!

Допустим, не клялась — я просто сказала, что всё знаю, и ушла. Вещи я не собирала, а бросила всё как есть. А про «нашу жизнь»? Да там и портить-то нечего. Слышала бы ты, что «такой мужчина, деньги, статус» говорил несколько минут назад о тебе.

Её слова падали на меня грязным потоком, но внутри меня в этот момент работал совсем другой механизм. Я не испытывала ревности. Но меня пробирала злость, что я не могу ответить на обвинения человека, который и смотреть-то в мою сторону не имеет права.

Абсурд всей ситуации зашкаливал. Надя понятия не имела, чего мне стоило вообще находиться за тем столиком. Она не знала, что я бы отдала всё на свете, лишь бы Кеша испарился из моей жизни раз и навсегда. Но парадокс заключался в другом: Надя была моим главным и самым надёжным рычагом. Пока она держала Кешу на своём крючке, пока у них развивался этот бурный роман, у меня был шанс получить развод без лишней крови. Если бы я сейчас сорвалась, посмотрела ей в глаза и злорадно выплюнула правду — «Да твой драгоценный Кеша сидел передо мной, умолял ме-

ня вернуться, клялся в любви и предлагал пойти к психологу!» — Надя бы оскорбилась, ушла от него, и Кеша с удвоенной, маниакальной энергией снова вцепился бы в меня.

И поэтому я стояла на тротуаре, сглатывая это чужое хамство и проглатывая собственные слова. Я лишь мысленно отвечала на её выпады: «Ну почему ты такая тупая, Надя, и никак не поймёшь — он мне не нужен! Сделай ты уже хоть что-нибудь, чтобы он окончательно стал твоим и навсегда забыл про меня.»

— Он бросил тебя ради меня... — продолжала свой скучнейший и не имевший ни грамма смысла монолог Надя.

В этот момент я почувствовала, как в сумочке завибрировал телефон. Краем глаза, сквозь расстегнутую молнию, я успела заметить светящийся экран и знакомое имя абонента: «Говнокеша».

Он звонил. Он не договорил. Он мог в любую секунду выйти из дверей ресторана, заметить нас двоих — и тогда этот сюрреалистический театр абсурда грозил закончиться сюжетным поворотом, который был мне крайне невыгоден. Мне нужно было срочно закругляться, спастись бегством отсюда и от её истерики.

Я глубоко вздохнула, подавляя поднимающуюся к горлу тошноту, посмотрела на Надю сумасшедшим, уставшим взглядом и выдавила:

— Послушай, Надя, если ты мне не веришь, что я на самом деле хочу расстаться с Кешей...

— Нет! — мгновенно перебила она. — Кеша мне всё сказал! Он не разводится с тобой только потому, что ты сама не даёшь ему развод! Это ты вставляешь нам палки в колёса!

Она всё никак не могла утомониться, накручивая себя с каждой секундой всё сильнее. А во мне на смену цепенящему шоку пришло холодное, усталое спокойствие.

— Послушай, — продолжала я ровным, чеканным голосом. — Если ты уверена, что это я не даю ему развод... Пусть он прямо при тебе позвонит мне на громкой связи. И будь уверена, Надя, я тут же соглашусь.

Услышав эти слова, Надя явно растерялась. На её лице отразилась такая гамма сомнений и шока, что, воспользовавшись её секундным замешательством, я просто развернулась и буквально побежала прочь — подальше от ресторана, от этого паршивого вечера и всей их драмы.

Но телефон в сумочке продолжал настойчиво вибрировать. Я понимала: ответить Кеше всё равно нужно, иначе он просто не отвяжется и начнёт искать меня по всему району.

Я перешла на шаг, немного перевела дыхание и ответила на звонок.

— Вера! Ты куда пропала? Почему ты убежала?! — его голос в трубке звучал импульсивно, с едва скрываемой злостью.

— Извини, Кеш, — постаралась я говорить как можно спокойнее. — Я подумала, что разговор окончен. Давай просто дадим друг другу время. Давай пока поживём каждый

своей жизнью и подержим дистанцию, а к разговору о разводе вернёмся чуть позже.

— Какой развод, Вера?! — взвился он. — Ну мы же только что говори о том, чтобы попробовать всё сначала! Ты что, не слушала меня?!

И тут на заднем плане в его трубке послышался глухой, нечёткий, но абсолютно узнаваемый голос Нади. Я не разобрала слов, но судя по всему, Наденька уже добежала до него, ей было важно понять, не я ли опять названиваю и рушу их счастье.

Интонация Кеши мгновенно изменилась. Напыщенная пылкость испарилась, голос стал собранным, чересчур сухим и деловитым:

— А... Да. Да, хорошо. Я понял.

«Спасибо тебе, Наденька, — с облегчением подумала я. — Ты уже начала мне помогать».

Осознав, что момент идеальный и Кеша сейчас зажат в угол её присутствием, я решила бить до конца:

— Ну вот и отлично. Значит, пока мы друг друга вообще не трогаем, а потом посмотрим по ситуации. Если ты решишь подать на развод в любой момент, — я, естественно, только за.

— Да... Да, хорошо, — быстро и сухо соглашался он, явно пытаясь поскорее сбросить звонок под пристальным взглядом Нади. — До свидания.

Трубка отсоединилась. Я опустила телефон и впервые за

весь вечер задышала легко, почувствовав себя действительно свободной.

## Глава 12

Вернувшись домой к Тане, я первым делом попыталась сунуть ей часть этих злосчастных денег — в знак благодарности за всё, что она для меня делала. Но Таня наотрез отказалась даже смотреть в ту сторону.

— Пока ты моя гостя, уж накормить свою подругу я точно в состоянии, — безапелляционно заявила она, отмахнувшись. — И вообще, я не бедствую, даже не хочу об этом слышать, спрячь обратно.

Я крепко обняла её, промолчав, но твердо решив завтра после учебы тайком зайти в магазин и купить всё, что нужно, просто забив холодильник продуктами без её разрешения.

Позже, когда мы сидели на кухне с чашкой чая, меня снова накрыло. Я нервно помешивала ложечкой остывающий напиток и наконец не выдержала:

— Тань, слушай... Меня совесть мучит.

Таня подняла на меня глаза, внимательно вглядываясь в моё лицо:

— Дай угадаю. Ты переживаешь о том, что не стоило брать деньги у Кеши, и думаешь их вернуть? Если так, то нет, даже не вздумай. Этот скупердяй и так тебе ничего не оставляет после развода, так что забей, а даст еще денег — бери.

Мне нравится, что она всегда пытается не только угадать проблему, но и придумать, как ее решить. Я улыбалась, по-

тому что в каждом слове узнавала мою дорогую Таню.

— Да нет же. Эта встреча с Кешей... Я себя чувствую так, будто изменила Роме. — Я на секунду прервала рассказ в надежде, что Таня тут же быстро предложит «таблетку» от угрызений совести, но она молчала, дав мне возможность договорить. — Хотя у нас с Ромой вроде бы и нет ещё толком никаких отношений, но... Я и поужинала с бывшим, да еще и деньги эти взяла. Короче, я чувствую себя ужасно. Думаю, я должна во всём ему признаться и рассказать про эту встречу.

Таня сделала глоток чая, спокойно посмотрела на меня и коротко бросила:

— Меньше знает — крепче спит.

И многозначительно кивнула, давая понять, что Рому мои отношения с Кешей не касаются.

Я улыбнулась её житейской мудрости, но внутри всё равно всё зудело. Мысль о том, чтобы утаивать это, жгла изнутри. И, не давая себе времени на раздумья, я достала телефон и дрожащими пальцами набросила Роме короткое сообщение:

«Ром, мы можем с тобой поговорить?»

Ответ от Ромы прилетел почти мгновенно — вместо сухого текста он прислал селфи: сам он уютно устроился на диване, укутавшись в клетчатый плед, а подпись гласила: «Я и плед. Мы тебя ждём».

Я так обрадовалась, что все тяжёлые мысли про Кешу, деньги и угрызения совести вмиг испарились.

Заметив мою улыбку, Таня сразу догадалась:

— Всё-таки решила пойти к Роме и всё ему рассказать?

— Ага, и да, Тань, я, наверное, сегодня не вернусь ночевать.

И, не дожидаясь ответа, окрыленная, выпорхнула за дверь, взлетела по лестнице и побежала к нему.

Я поднялась на несколько этажей выше. Рома уже стоял в дверях, выглядывая на лестничную клетку, будто караулил меня каждую секунду. Едва я шагнула на порог, как он тут же притянул меня к себе, уткнувшись носом где-то в районе моей макушки. Я с радостным облегчением прижалась к нему в ответ, растворяясь в этом успевшим стать родным, приятном запахе, отдающем сладким цитрусом, и домашнем тепле.

Все тяжелые мысли о Кеше, ресторане и чувстве унижения разом отступили. С Ромой было настолько легко и надежно, будто я наконец спряталась в уютном укрытии от всего внешнего шторма. Я даже забыла, зачем пришла, настолько меня поглотил момент, ощущение просто счастья здесь и сейчас.

Мы прошли в гостиную и зарылись в мягкий диван, завернувшись в тот самый клетчатый плед. Я уложила голову ему на грудь, слушая ровное, успокаивающее биение сердца. Он нежно гладил мои волосы, перебирал пальцы, мы о чём-то тихом и неважном болтали, смеялись невпопад — это была какая-то концентрированная, звенящая нежность двух людей, которые до безумия рады просто быть рядом.

Градус тепла между нами становился всё выше. В какой-то момент разговор сам собой затих. Рома чуть отстранился, но лишь для того, чтобы заглянуть мне в глаза. Его взгляд скользнул по моему лицу — от взволнованных глаз к едва приоткрытым губам — с таким нерастраченным, тяжёлым жаром, что у меня внутри всё сладко, до дрожи сжалось. Сердце колотилось так, будто я слышу каждый его удар. Он улыбнулся — медленно, спокойно, словно и он, и я уже давно знаем, что произойдет дальше. Спешить было не к чему. Рома оттягивал этот момент, словно смакуя его. Он осторожно поправил прядь волос, упавшую мне на лицо, кончиками пальцев коснувшись щеки. От этого мимолетного прикосновения по телу пробежала волна, и я, затаив дыхание, ждала, что будет дальше. Я замерла, боясь даже вздохнуть и спугнуть этот момент. Он наклонялся всё ниже — медленно, пыточно, заставляя буквально молить об этом касании, намереваясь поцеловать в губы.

И буквально за сантиметр до этого поцелуя я вздрогнула и чуть подалась назад.

Рома мгновенно замер. В его глазах проскользнула виноватая тень, и он тихо, с легкой досадой на самого себя, выдохнул:

— Прости... Я снова тороплю события, да?

— Да нет, дело не в этом, — я покачала головой, чувствуя, как ком, а вместе с ним и чувство вины за испорченный момент, и за встречу с Кешей снова подступает к горлу. — Ром,

подожди... Я просто должна тебе кое в чём признаться. Кое-что сегодня произошло.

Рома тут же отстранился чуть дальше, плечи его напряглись. Взгляд мгновенно стал сосредоточенным, в нём вспыхнула тревога. Он замер, не сводя с меня внимательных глаз.

— Что случилось?

— Рома, я сегодня встречалась с Кешей, — выпалила я, чувствуя, как внутри всё сжимается от напряжения. — Нам нужно было обсудить вопросы по разводу.

Рома чуть заметно нахмурился, но попытался сохранить спокойный тон:

— Ну и что такого? Вы где-то встретились — у адвоката или он сюда приезжал?

— Нет, мы были в ресторане.

Он замер, глядя на меня в упор:

— В ресторане? — В его голосе уже ощущалось разочарование. — И что, вы окончательно договорились о разводе?

— Нет... Но мы договорились какое-то время друг друга не трогать.

— То есть вы просто взяли паузу? И никакого развода? — в его голосе появились первые нотки раздражения.

— Ну не совсем так... Я просто жду более удачного момента.

Мне отчаянно не хотелось вдаваться в мерзкие подробности про Надину истерику, её упрёки и весь этот цирк абсурда. Но с другой стороны, перед Ромой мне хотелось быть аб-

солютной, кристальной честностью. Я не умела и не хотела врать ему в глаза.

Рома усмехнулся — коротко, суховато, без тени веселья:

— Ну конечно. Он же, наверное, подарил тебе цветы? И ты их приняла?

Я на секунду зависла. Технически... наверное, цветы были. Но я же не собиралась их забирать, они просто остались на столе!

— Ну... цветы были, — нехотя признала я.

— Понятно, — Рома откинулся на спинку дивана, и в его глазах вспыхнула самая настоящая ревность. — И чем же завершился этот прекрасный вечер?

Я сглотнула, понимая, что дальше будет только хуже:

— Он... он дал мне денег. Довольно большую сумму.

Рома резко подался вперёд, и от прежней мягкости в его взгляде не осталось и следа. Голос прозвучал громче, чем следовало:

— И ты взяла у него деньги?!

— Да! — вспыхнула я, чувствуя, как внутри поднимается глупая, обиженная волна протеста. — И ушла!

— Вера, если тебе нужны деньги, ты же могла просто попросить у меня! — в его голосе прорезалось такое искреннее, уязвлённое недоумение, что мне стало очень неприятно. — И вообще, ходить с бывшим мужем по ресторанам — это хреновая идея, тебе не кажется?

Он встал с дивана и сделал пару шагов по комнате, нервно

запустив руку в волосы. Прежний уютный плед сполз на пол, а вместе с ним развалилась и вся та нежность, которая между нами только что была.

— Тем более со мной ты ни разу не соглашалась пойти ни в кафе, ни в ресторан, — продолжил Рома, повернувшись ко мне. В его глазах стояли ревность и глухая обида, смешанные с какими-то своими, мужскими домыслами. — Мы всё время сидим здесь или в машине. Или, может, ты просто не хочешь, чтобы нас кто-то видел вместе? Боишься, что твой муж узнает?

Его слова больно задели за живое. Внутри всё тут же закипело от несправедливости. Защитные барьеры, выработанные за время брака с Кешей, сработали мгновенно и безжалостно. Вместо того чтобы спокойно объяснить, что эти триста тысяч были вопросом выживания, а в ресторан с Кешей пошла просто потому, что меня буквально заставила мама.

Меня снова допрашивают. Мне снова предъявляют претензии. Посягают на мою свободу и сомневаются в моих мотивах. Мне было больно, захотелось плакать и убежать, чтобы меня обняли, пожалели... Но тот островок спокойствия, куда я обычно бежала искать защиты, сам оказался вулканом. Почему я так быстро доверилась ему, и мне теперь еще больнее, чем когда я узнала о Кешиней измене. Я снова почувствовала, что меня предали, а самое ужасное, что в очередной раз оказалось, я слишком быстро подпускаю к себе мужчин, которые этого не заслужили. Но я больше не дам се-

бя в обиду. Во всяком случае я попробую. И если уж некому меня больше защищать, мне ничего не остается кроме как выстраивать баррикады личных границ.

— Что?! — я встала с дивана. — Ты сейчас серьезно? Ты думаешь, я пошла туда ради бесплатного ужина или что я просила его о каких-то деньгах, или может ты думаешь, будто я хочу к нему вернуться?! Зачем бы я тогда сейчас к тебе пришла?

— А я не знаю, что думать, Вера! — отрезал Рома. Он впервые говорил со мной таким тоном — не злым, но сухим, отстранённым и чужим. — Ты приходишь ко мне, рассказываешь про цветы, про романтический ужин и про то, что ты взяла у него пачку денег. И предлагаешь мне просто порадоваться за вас?

— Знаешь, Рома, — попыталась я хоть как-то себя оправдать, но быстро вспомнила, что я никому не обязана отчитываться! Все, хватит с меня контроля, ревности, надоело.

Я ничего больше не сказала, прямиком отправилась к входной двери, с трудом сдерживая слезы. Как же обидно. Я думала, в этом мире остался хоть один нормальный парень. Рома, ну, зачем же ты все испортил?

— Вера, подожди, — Рома попытался сделать шаг навстречу, его голос сразу смягчился, в нём снова появилась прежняя забота, но с примесью досады: — Стой, давай спокойно поговорим. Я не хотел тебя обидеть, просто...

— Нет, Ром, хватит! — я была уже у двери. — Я думала,

ты поймёшь. Я пришла к тебе честно всё рассказать, а ты меня осудил, даже не попытавшись понять!

— Я пытаюсь, у меня просто не получается. Вера, не уходи, давай договорим!

— До свидания! — не дала я ему договорить и ушла.

Побежал ли он за мной, написал ли он мне? Нет, не было никакой драмы. Я просто ушла, и, видимо, эта романтическая глава книги под названием «Рома, Рома, Роман» закончилась. Но спасибо ему, что в самый тяжелый момент расставания с Кешей он был рядом.

## Глава 13

Я выскочила из квартиры и буквально слетела по лестнице на несколько этажей вниз, к Тане. Сердце колотилось, слезы уже не удавалось остановить. Лишь бы не увидели соседи, хотя нет мне дела ни до соседей, ни до кого. Меня колотило от обиды, от глупой досады и от полного ощущения, что весь мой мир снова рушится, едва успев сформироваться. Я только вырвалась, и то не до конца, из одних контролирующих отношений, как чуть не вляпалась в другие. Но Рома ведь другой!

Рома все это время был замечательным. Он был добрым, мягким и чутким. Но в этот момент — пусть даже сквозь призму моей израненной психики — его ревность показала мне первым шагом к тотальному контролю.

Утро выдалось тяжёлым. Голова гудела. Отёки на лице напомнили, что я заснула в слезах. Не знаю, плакала ли я из-за Ромы, из-за того, что все еще завишу от Кеши, или от того, что не знаю, какое будущее меня ждет. Будто чаша всего самого плохого в моей жизни резко переполнилась, и вылилась со вчерашними слезами.

Обычно Рома каждое утро ровно в восемь отвозил меня на учёбу. Но сегодня моё раненое, обожжённое прошлым опытом эго взбунтовалось. Мысль о том, что я выйду к подъезду, а он не придёт — не спустится, не напишет, проучит

меня или просто останется в обиде — казалась невыносимой. Я боялась этой неопределённости сильнее, чем самого факта, что между нами все точно закончилось. Защитный механизм включился мгновенно: лучше я сама уйду раньше, чем буду стоять там как дура и ждать.

Я собралась на рассвете, тихонько выскользнула из квартиры и ушла в университет задолго до привычного времени.

Уже подходя к учебному корпусу, я достала телефон. На экране высветилось сообщение от Ромы, присланное в 8:12:

«Вера, доброе утро. Ты все еще сердишься? Ты скоро спустишься? Я же жду тебя. Как раз по дороге поговорим, если хочешь.»

В сообщении не было злости или обвинений — он писал так, будто ничего страшного не произошло, будто все так просто решается. А, может, оно и должно решаться просто? Но во мне разыгралась обида. «Всплыл только в восемь пятнадцать! А если бы я сидела у подъезда и мёрзла? Ему вообще плевать, каково мне было после вчерашнего разговора».

Я не стала ничего отвечать. Просто заблокировала экран, сунула телефон в сумку и с головой ушла в лекции, убеждая себя, что прекрасно справлюсь сама и без его заботы.

Пара тянулась бесконечно, лекция была настолько скучной, что даже конспект казался бессмысленным. Мы сидели с Петровым на заднем ряду, оба молчали — мне откровенно не хотелось ни с кем разговаривать. За окном царил унылая слякоть: поздняя весна никак не могла вступить в свои пра-

ва, превращая остатки грязного, серого снега в убогую жижу на тротуарах.

Петров зябко повел плечом, вытащил из-под парки мокрые шнурки ботинок и недовольно поморщился:

— Какая же гадость на улице... Я пока дошел, все ноги насквозь вымочил, так противно, грязища кругом.

— Ага, — мне не особо хотелось поддерживать разговор, да я и не вникала в его слова.

— Да, сейчас бы не здесь сидеть, а где-нибудь в Египте, на «все включено», коктейльчик у бассейна попивать, а, Вер?

— Что?

— Ты, что, меня не слушаешь? Ты где летаешь? Вон же тема лекции «Специфика организации чартерных программ и отельной базы Египта». Я говорю, про Египет лучше не конспект писать, а купить путевку, да у бассейна на практике с этим вопросом разбираться.

Он легонько толкнул меня локтем в плечо, пытаюсь расшевелить. Я подняла на него взгляд:

— В Египет, говоришь?

Внутри что-то странно щёлкнуло. Я вдруг отчетливо вспомнила, что за последние две недели Египет всплывал вокруг меня с какой-то мистической регулярностью — будто само пространство настойчиво тыкало меня носом в это направление.

Мы с Кешей за время брака успели объездить пол-Европы и немало других мест, но Египет в нашем доме был под

негласным табу. Кеша с его снобизмом презрительно морщился при одном упоминании Турции или Египта, считая эти страны «попсой для среднего класса» и направлениями не для таких людей, как он.

А я... я ведь учусь на туризме. И при этом ни разу в жизни не была в Египте — чудовищный пробел для будущего специалиста.

Пазл в голове сложился за доли секунды. Деньги есть — те самые триста тысяч от Кеша лежат на карте. Отчитываться больше ни перед кем не нужно. С Ромой мы в глупой ссоре, гордость вопит о мести и свободе, а погода за окном окончательно добивает остатки желания просыпаться в 6 утра и идти на пары.

Не раздумывая ни секунды, я открыла сайт агрегатора горящих туров на телефоне. Пара кликов — и вот оно: вылет через два дня, неделя в хорошем отеле на всё включено. Идеально. У меня останется приличная сумма сверху — как раз на новые купальники, пару сарафанов, и мелкие расходы.

Петров, заметив мои манипуляции с бронью, присвистнул:

— Ого. Классно, когда у тебя муж-богач. Захотела — и тут же путёвку в Египет покупаешь, даже бровью не ведя.

Я медленно повернула к нему голову:

— В чем проблема, заведи себе тоже мужа-богача и не завидуй.

Я не смогла сдержаться от комментария, хотя не было у

меня уже по факту никакого мужа-богача, да и вообще никого не было.

Раньше Петров прекрасно видел, что у меня не было денег даже на кофе с бутербродом в буфете, а тут — бац, и сходу бронируется Египет за сотню тысяч. В его системе координат всё сразу встало на «логичные» рельсы: раз появились деньги, значит, приползла обратно к обеспеченному Кеше.

Петров никак не успокаивался:

— Не, ну а чё, логично. Хотя нет, подожди, ты разве не развелась? О, ты что, к бывшему мужу вернулась? С такой лёгкостью деньги тратишь... Ну правильно, чё. С такими, походу, надолго не расстаются. Или нет, это твой новый ухажёр тоже настолько заряженный? Давай колись, от кого столько денег привалило? Или у тебя там и вовсе третий объявился, или я чего-то о тебе не знаю?

— Учись, Петров, — тихо отрезала я и отвернулась к окну, где серый снег окончательно превращался в грязь.

До вылета в Египет оставалось сорок восемь часов.

Ну, ничего, через два дня я реально буду пить коктейль у бассейна в Египте в новеньком купальнике, а Петров — смотреть в окно на слякоть и завидовать мне.

\*\*\*

Следующие дни пролетели в сумасшедшем темпе. Нужно было успеть столько всего: купить яркий новенький чемодан, парочку купальников, удобные шлёпки, несколько лёгких летних сарафанов и шорты — вещей у меня не было со-

всем, а начинать обзаводиться новым гардеробом с вещей для путешествия очень даже приятное занятие.

Надо же, как это приятно иметь планы. Пусть он и ограничивается всего неделей в Египте да двумя днями для подготовки к поездке, но всё же у меня есть план, и это очень даже жизнеутверждающе.

После пар я съездила в супермаркет и доверху забила Танин холодильник вкусняшками и продуктами — в знак искренней благодарности за всё, что она для меня сделала. Таня, конечно, отнекивалась и пыталась протестовать, но у нее не было выбора.

После всех покупок я заглянула в обменник. От той суммы, что дал Кеша, осталось уже не так много, но я поменяла всё в доллары — на мелкие расходы в поездке должно было хватить с запасом.

И вот наконец — аэропорт, все проверки пройдены, посадка, иллюминатор, нарастающий гул турбин, ускорение по взлётной полосе.

Только когда самолёт оторвался от земли и взмыл в ночное небо, я впервые за долгое время глубоко выдохнула. Вместе с набранной высотой внутри распустилось пронзительное, пьянящее чувство свободы.

Все проблемы — неразрешённый конфликт с Ромой, тень Кеши с его бесконечными манипуляциями, Петров и даже удушающий, вьёвшийся с детства мамин контроль — всё это осталось там, далеко внизу, под крылом самолета. А сейчас я

была абсолютно свободна. И как минимум ближайшую неделю мне было можно совершенно точно ни о чём и ни о ком не думать.

## Глава 14

— Вы замужем? — спросил мужчина на соседнем кресле, когда наш самолёт уже набрал высоту.

Но именно тогда этот простой вопрос поставил меня в тупик. Обычно у людей есть четкий ответ, но я в те дни искренне не знала, что сказать. Всегда, конечно, оставался вариант соврать или ляпнуть первое, что придет в голову, — какая разница, ведь этого человека на соседнем кресле ты видишь первый и последний раз. Но дело-то было не в том, что ответить случайному соседу. Главный вопрос — что я сама отвечаю себе.

Штамп в паспорте всё еще стоял, так что формально — да. Но внутри решение о разводе было уже окончательным. Я знала твердо и бесповоротно: что бы ни случилось, к Кеше я не вернусь.

— Почти нет, — ответила я.

Сосед хмыкнул, скривив губы в саркастичной ухмылке:

— Хм. Летишьлизывать раны к арабам?

От его двусмысленного, сального тона внутри вспыхнуло глухое раздражение. Ругаться с человеком, находившимся в состоянии легкого анабиоза из Duty Free, не хотелось совершенно, но и давать себя в обиду я не хотела.

— Вас кто-то обидел? — ровно, с легким недоумением спросила я. — Какая-то женщина бросила вас, ушла к во-

сточному красавчику, помоложе вас, и теперь вы думаете, что если женщина летит одна в теплую страну, то исключительно ради мужского внимания?

Он ухмыльнулся, но ответить ничего не смог, замолчал и отвернулся. А потом и вовсе огляделся и пересел на свободное место неподалеку. В итоге в моём распоряжении оказались сразу два кресла.

«Надо же, — подумала я с приятным уколом удовлетворения, — как здорово иногда просто взять и дать отпор подобным мужичонкам».

Дальше полет проходил в тишине. Чем ближе мы подлетали к Египту, тем чаще я прилипала к иллюминатору. Бескрайний небесный ультрамарин постепенно сменился желто-оранжевыми волнами пустынных песков, а затем из-за горизонта показалась невероятная, сумасшедшая бирюза Красного моря. Внутри стало удивительно тепло и тихо, захотелось прямо с самолета прыгнуть в море, которое даже с высоты птичьего полёта казалось невероятно теплым.

Я смотрела вниз на эту чарующую панораму и думала: неужели мне еще совсем недавно казалось, будто моя жизнь рушится? Ведь буквально в этом месяце были дни, когда катастрофически не хотелось жить, не хотелось, чтобы наступало завтра. А сейчас я сидела у окна и мечтательно ловила себя на мысли: этот вид, это ощущение абсолютной невесомости нужно запомнить до мельчайших деталей. Запечатать в памяти, чтобы каждый раз, когда станет тяжело или

грустно, доставать этот момент и напоминать себе — в мире есть столько тепла, света и свободы, и ради этого точно стоит жить.

Слова пилота: «Дамы и господа, наш самолёт произвёл посадку в аэропорту Хургады. Температура за бортом — плюс двадцать шесть градусов» — окончательно приглушили мысли о прошлом, возвращая меня в единственно существующее «здесь и сейчас».

Это стало главным доказательством: всё происходящее не сон, всё правда, и я действительно прилетела.

Я улетаю из унылых плюс пяти с вечным апрельским сырым ветром, морозящей мелкой слякотью и грязным, подтаявшим снегом вдоль обочин. Из той промозглой серости, где приходится кутаться в тяжёлые куртки и прятать руки в карманы.

А здесь, за стеклом иллюминатора, было плюс двадцать шесть. Внутри сладко ёкнуло: боже, неужели так бывает? Неужели можно просто так взяться и вырваться из затянувшейся зимы прямо в лето?

Спускаясь по трапу самолёта, я замерла. В лицо ударил не резкий, душный зной, а тёплый, ласковый египетский ветер. Он мягко пробежался по волосам, пощекотал щёки и на мгновение окутал меня целиком — будто старый добрый друг, который долго ждал этой встречи.

И в эту самую секунду внутри родилось странное, оглушающее ощущение: я наконец-то дома.

Это не было похоже на банальный приезд в отпуск, когда ты чувствуешь себя просто временно прибывшим гостем. Нет. Казалось, будто я шагнула в какую-то огромную, тёплую, успокаивающую колыбель, которая бережно приняла меня в свои объятия.

Так хорошо и безмятежно я не чувствовала себя уже очень, очень давно. Конечно, в те несколько вечеров, что мы провели с Ромой, мне тоже было спокойно. Но тогда я чётко понимала: там, за дверью его квартиры, всё ещё существуют все мои нерешённые проблемы, к которым рано или поздно придётся вернуться. Здесь же, в Египте, я находилась физически настолько далеко от них, что психика просто отказалась верить в их существование. Всё прошлое казалось какой-то чужой, параллельной реальностью. И куда бы я ни пошла, мне везде будет хорошо и я наконец смогу дышать полной грудью.

Уже в аэропорту я начала отчасти понимать своего угрюмого попутчика из самолёта.

Дело в том, что буквально каждый встречный сотрудник — от пограничников до работников службы досмотра — улыбался мне так, будто перед ними прошла как минимум королева красоты. Смотрели с таким нескрываемым восхищением, будто каждый из них задался целью прямо сейчас предложить мне руку и сердце или хотя бы позвать на свидание. Все вокруг были невероятно приветливы, рады и буквально светились.

На меня, кажется, ещё никогда в жизни не смотрели с подобным восторгом. И это сопровождало меня на каждом шагу — от самого трапа, через весь паспортный контроль и до того момента, пока я не села в экскурсионный автобус под опеку гида.

Сидя в автобусе, я с улыбкой подумала: что ж, буду считать эту поездку прямой инвестицией в свою будущую карьеру.

Нам на парах по психологии туризма преподаватель часто повторяла: «Девушки, запомните: туристки едут в Турцию и Египет не только за морем и питанием «всё включено». Они едут за эмоциональной компенсацией. За ощущением собственной желанности, за этим искренним восхищением, которого им так не хватает в серой рутине. Вы продаёте им не отель, вы продаёте им чувство, что они — королевы».

Тогда, на лекции, это казалось просто сухой профессиональной терминологией из учебника. Но сейчас, почувствовав всё это на себе, я поняла: а ведь преподавательница была абсолютно права! Теперь я точно знаю, какими словами буду продавать Египет своим будущим клиенткам, когда начну работать в турагентстве.

Буду ли я вообще когда-нибудь работать в турагентстве и пригодится ли мне вся эта теория на практике — вопрос открытый. Но прямо сейчас я усердно успокаивала себя именно этими мыслями.

Нужно же было хоть как-то оправдать перед самой собой

тот факт, что я спустила практически все деньги, которые дал мне Кеша. А ведь на эту сумму я могла бы спокойно жить минимум полгода, ни о чём не думая.

Гид в микрофон всю дорогу рассказывал традиционные египетские байки. Я, конечно же, сразу раскусила, что половина из этого — чистой воды мифы для доверчивых путешественников, и поэтому слушала вполуха. Для меня было важно только одно — не пропустить свою остановку.

И вот гид наконец назвал мой отель. За стройными стволами высоких пальм и ухоженной зеленью вырос величественный дворец песчаного цвета с ажурными арками и подсвеченными куполами, словно сошедший со страниц восточной сказки. Автобус мягко зашуршал шинами по вымощенной подъездной аллее. Сквозь открытые двери мгновенно ворвался густой тёплый воздух, напитанный запахами свежескошенного газона, масел для загара и каких-то едва уловимых восточных духов. Где-то совсем рядом, у парадного входа, умиротворяюще журчал огромный фонтан, а из глубин ресепшена слышалась тихая ненавязчивая музыка.

## Глава 15

Я вышла из автобуса, огляделась — и у меня перехватило дыхание. Первое впечатление: я попала в настоящий восточный дворец. Всё то ощущение из аэропорта, где я впервые почувствовала себя королевой, здесь накрыло меня с новой, оглушительной силой. Было чувство, будто я какая-то шахиня или султанша, которая после долгих скитаний наконец-то вернулась в свои покои.

Всё это сложилось в абсолютную, чистую эйфорию. В этот миг казалось, что вся моя прошлая жизнь, всё, что было до самолёта — боль, предательство, серость, — это какая-то глупая выдумка, страшный сон, которого никогда не существовало.

А настоящая реальность — она здесь и сейчас. Я счастлива. Мне тепло. Мои глаза жадно впитывают эту невероятную красоту, легкие дышат пряным свежим воздухом, а на каждом шагу я снова и снова ловлю на себе восхищенные взгляды.

Стоило на ресепшене подключиться к отельному Wi-Fi, как телефон ожил и завалился уведомлениями. На экране всплыли три сообщения от Ромы.

Я не стала их открывать — решила, что сделаю это позже, когда спокойно разберу чемоданы и освоюсь в номере. После дороги жутко хотелось только одного: выдохнуть и от-

дохнуть. Но даже мельком, в выплывающих окошках блокировки, взгляд успел зацепиться за слова: «Прости, пожалуйста... Давай поговорим».

\*\*\*

Наконец носильщик оставил чемоданы, вежливо поблагодарил за чаевые и затворил за собой дверь. Я осталась в номере одна.

Комната оказалась классическим уютным отельным уголком: просторная, светлая, с большими мягкими креслами и тусклым, теплым желтым светом от прикроватных светильников, создававших совершенно домашнюю атмосферу. Огромная кровать так и манила свежестью: даже не прикасаясь, я с твёрдой уверенностью могла сказать, насколько хрустящим и идеально выглаженным было это белоснежное бельё из египетского хлопка.

Я подошла к тяжелым портьерам, раздвинула их и шагнула на балкон. Оттуда, сквозь вечернюю прохладу и шелест пальм, открывался потрясающий вид на темнеющее море.

Всю неделю здесь буду только я — ни единой души вокруг.

Эта мысль сначала уколола и сразу растаяла, уступив место какому-то новому, глубокому облегчению: боже мой, я ведь за всю свою жизнь никогда не жила одна!

Сначала родительский дом, где всегда кто-то есть рядом. Потом студенческая общага — одна комната на троих и ни единого сантиметра личного пространства. Из общаги я сра-

зу переехала к Кеше: замужество, быт, где растворяешься без остатка. А после разрыва — две недели у Тани, где при всём её участии и поддержке, как ни крути, ты остаешься гостьей.

И вот теперь — впервые в жизни! — целая неделя принадлежит только мне. Никто не хлопает дверью, не требует внимания, не задает вопросов и не нарушит тишину.

Какой же это всё-таки сумасшедший, ослепительный кайф — принадлежать только самой себе.

Я могла ходить по номеру абсолютно голой и при этом на каблуках, танцевать перед зеркалом самые дикие танцы под любимую музыку или полдня не расчёсываться. А еще — делать всё то, на что в обычной жизни наложено невидимое табу. Занять огромную кровать по диагонали, раскинув руки и забрать себе все подушки сразу. Разбросать нижнее белье на самом видном месте и точно знать, что этот уютный хаос никто не станет критически разглядывать или убирать с молчаливым вздохом. Разговаривать вслух с самой собой, комментировать фильм громким шёпотом или смеяться над какой-нибудь глупостью на всю комнату, не боясь никого смутить.

Есть люди, которые искренне верят, что женское счастье измеряется исключительно наличием мужчины рядом. В тот вечер я отчетливо поняла, как же они заблуждаются. Во всяком случае, моё счастье в эту секунду определялось совершенно другим — потрясающей, ни с чем не сравнимой возможностью побыть в абсолютной тишине с самой собой.

Уединение вдруг перестало быть пугающей пустотой и превратилось в самую роскошную привилегию.

\*\*\*

Мой новый гардероб — он же по совместительству вообще всё материальное имущество, что у меня теперь имелось, — аккуратно лежал в чемодане. Среди привычных вещей притаилось и несколько вечерних коктейльных платьев, которые я бросила туда почти не глядя, просто потому что «положено».

Что ж, грех было прятать такую красоту. Самое время прогулять первое из них и отправиться на ужин в ресторан при отеле.

Я сбилась со счёта, сколько раз за этот вечер мне признались в любви. По пути в ресторан, в самом зале у шведского стола и на выходе из него — со всех сторон только и слышалось: «Ты очень красивая», «Выходи за меня замуж», «Шакира», «Вау». Все эти слова сопровождались восхищенными взглядами.

Когда получаешь комплименты настолько концентрированно, волей-неволей начинаешь в них верить. Проходя мимо зеркала в холле, я случайно встретила со своим отражением — и обомлела: из него на меня смотрела настоящая красавица с невероятно горящими глазами. Хотя я ведь даже не старалась! Но эти взгляды и фривольные «хэлоу, бьютифул» сработали лучше любого макияжа. Когда тебе со всех сторон повторяют, что ты королева, ты невольно ею стано-

вишься. А когда Кеша твердил про сутулую спину, обвисшую грудь и целлюлит на жопе, ты волей-неволей начинаешь транслировать миру эту неуверенность. И окружающие, похоже, считывали ровно то же самое — они видели не меня, а закомплексованную тётку — в мои-то двадцать лет.

До сих пор перед глазами та мерзкая сцена. Я в коротких пижамных шортиках, по телевизору играет какая-то заводная музыка, у меня классное настроение — и я начинаю танцевать. Кеша наводит на меня камеру телефона. В ту секунду мне наивно показалось, что он искренне мной любит. Но через минуту он подсунил мне телефон прямо к лицу: он на максимальном зуме снял мою попу. «Смотри, как отвратительно дёргается твой целлюлит, — с ледяной жестокостью выдал он. — Больше никогда не надевай эти шорты, мне же неприятно на это смотреть».

На лестнице, ведущей в фойе, моё внимание привлёк мужской силуэт на диванчике. Рядом сидел какой-то человек с документами и что-то усердно объяснял, но его собеседник явно потерял к бумагам всякий интерес. Ему было на вид около тридцати. Меня поразили его волосы и глаза: настолько глубокого, сияющего чёрного цвета я, кажется, ещё не встречала. Он замер и смотрел на меня не отрываясь, словно весь остальной мир в эту секунду просто перестал для него существовать. И от этого гипнотического взгляда по коже побежали приятные мурашки. И пока я шаг за шагом спускалась к фойе, сокращая между нами расстояние, он всё рас-

плывался в улыбке и уже абсолютно не стеснялся разглядывать меня в упор.

Раньше, откликаясь на мужское внимание, я могла испытывать всё что угодно: легкую нежность, смущение, предвкушение или робкую надежду, иногда смешанную с неуверенностью, а понравилась ли я ему так же сильно, как и он мне. Но то, что произошло сейчас, не имело ничего общего с прошлым опытом. Это было абсолютно новое, не разбавленное никакими другими оттенками чувство — чистая, животная страсть. Без романтических «бабочек в животе», без придуманных сценариев и сентиментальности, без всех тех чувств, о которых писали классики, описывая любовь. Только мгновенный жар, заполнявший всё внутри, ниже живота, от которого ты буквально вспыхиваешь целиком под одним лишь этим взглядом.

Что ж, не буду скрывать, ощущение было потрясающим. Спасибо, Египет, за то, что познакомил меня с этой стороной самой себя. Оказывается, я умею испытывать и такие чувства — глубокие, дикие и абсолютно свободные.

— Как вам ужин? Всё понравилось? — мягко спросил он на хорошем русском, с лёгким приятным акцентом.

— Да, спасибо, всё было очень вкусно, — улыбнулась я.

— Это всё я лично приготовил! — серьезно заявил он и приложил руку к сердцу.

Я прекрасно понимала, что это не самый оригинальный подкат, но н

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.